

ГРЭХЕМ ГРИН

КОМНАТА
для
ЖИВЫХ

• ИСКУССТВО •

ГРЕХЕМ ГРИН

Комната для живых

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ,
ЧЕТЫРЕХ КАРТИНАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСКУССТВО»
Москва 1957

Перевод с английского

З. БАЗИЛЕВСКОЙ и Я. БЕРЕЗНИЦКОГО

Редактор *Н. Р. Войткевич*

Оформление художника *Е. Б. Адамова*

Художественный редактор *В. П. Богданов*

Технический редактор *М. А. Панкратова*

Корректор *Т. В. Кудрявцева*

Сдано в набор 14/I 1957 г. Подп. к печ. 26/IV 1957 г.

Форм. бум. 70 ~~×~~ 108¹/₃₂. Печ. л. 3 (условных 4,11).

Уч.-изд. л. 3,367. Тираж 8000 экз. Ш03061.

«Искусство», Москва И-51, Цветной бульвар, 25.

Изд. № 12196. Заказ тип. № 29. Цена 1 р. 70 к.

Экспериментальная тип. ВНИИППиГ, Москва, Б. Комсомольский, 9.

Отпечатано в 3-й тип. Медгиза, Москва, Солянка 14. Зак. 457

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(В порядке их появления)

Мэри.

Майкл Денис.

Роз Пембертон.

Тереза Браун.

Элен Браун.

Джеймс Браун.

Миссис Денис.

Действие происходит в гостиной семьи Браунов.

Между первым и вторым действиями проходит три недели.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гостиная. Январский день.

Ощущение необычности этой комнаты возникает у нас сразу, как только раздвигается занавес, при первом же взгляде на сцену. Это ничем не примечательный дом, каких много в районе Холланд-парка, и поначалу трудно сказать определенно, что же именно в гостиной семейства Браунов кажется нам необычным, странным. За большим окном в глубине сцены видны только верхушки деревьев; окно почему-то до половины загорожено решеткой. Может быть, дело в обстановке, стиль которой трудно определить, но которая, пожалуй, была бы уместнее в помещении более обширном и другой формы; впрочем, в наши дни этому нетрудно найти объяснение. В комнате две двери: одна открыта — за ней лестничная площадка, ко второй, закрытой, — ведут несколько ступенек. При поднятии занавеса снизу доносится звонок.

Торопливо входит Мэри. В одежде ее нет ничего, что указывало бы на ее положение прислуги, и держит она себя с уверенностью и достоинством, как и подобает столь независимой особе, как приходящая служанка. Она поднимается по ступенькам к закрытой двери, дергает ручку. Дверь заперта.

Мэри (*тихо*). Мисс Тереза...

Несколько секунд прислушивается. Снова звонят. Мэри выходит; слышно, как она сбегает по лестнице.

Почти одновременно за запертой дверью раздается шум спускаемой воды, и этот звук нам сразу объясняет, в чем своеобразие комнаты. Очевидно, раньше здесь была спальня, ибо трудно себе представить гостиную, дверь из которой ведет непосредственно в туалетную комнату.
Кто-то поднимается по лестнице,— слышны голоса Майкла и Мэри.

Мэри. Мисс Браун будет очень рада видеть вас в добром здоровье, мисс Роз.

Майкл. Надеюсь, она получила мою телеграмму... Уф! Ну и лестница!

Мэри. Совсем не зимняя погода, сэр. Так тепло!

Майкл. Разве? Во всяком случае,— не в поезде. Там не топили.

Мэри вводит в комнату Майкла Дениса и Роз Пембертон. Майклу за сорок лет. Старается держаться непринужденно, но вид у него довольно хмурый: он слишком многим озабочен, и более всего тем, чтобы скрыть это. Роз около двадцати лет. Видимо, она еще не совсем пришла в себя после сна: у нее заспанное, смущенное, очаровательное своей молодостью лицо. Никогда оно не будет так прелестно, как сегодня, сейчас.

Мэри. Мисс Браун сейчас сойдет к вам, сэр.
(Уходит.)

Майкл. Сойдет? На чердаке она живет, что ли?

Роз и Майкл чувствуют себя неловко. Отдинувшись друг от друга, они оглядывают комнату.

Устроить гостиную на четвертом этаже! Хм... Уж не для того ли, чтобы отвадить гостей, а? (Беспрокойно обходит комнату и возвращается на прежнее место — в трех шагах от Роз.) Странная комната! Какая-то у нее неправдоподобная форма,— тебе не кажется?

И в мебели какой-то разнобой... Интересно, куда ведет эта лесенка? (*Показывает на ступеньки, поднимается по ним, пробует открыть дверь. Возвращается на прежнее место.*) Семейные тайны рода Браунов!.. Почему ты молчишь? Скажи что-нибудь... Что-нибудь веселое. Скажи, что нам нет никакого дела до них!

Роз качает головой.

Нет, в самом деле, ничего особенного не случилось. Я — преданный друг семьи. Доставил тебя в целости и сохранности. Опоздала ты только на двенадцать часов. И, наконец, мы их предупредили телеграммой. Сиротка в безопасности. Вообще им нечего было волноваться — ты была со мной.

Роз протягивает руку, дотрагивается до Майкла.

(*Кладет свою ладонь на ее руку, крепко сжимает, но подойти ближе друг к другу они не решаются.*) Смотри, будь осторожна. Насчет меня не беспокойся — в моем возрасте становишься предусмотрительным. Разве было плохо придумано? Две комнаты в разных концах коридора. И разошлись мы прежде, чем проснулась прислуга. Уже на рассвете наша обувь чинно стояла у разных дверей...

Роз (*умоляюще*). А зачем, милый? Чего нам было бояться?

Майкл. Ну вот, опять... Нам следует избегать таких слов. Мне, в мои годы, еще, пожалуй, можно сказать тебе «дорогая» — я ведь солидный, женатый человек... Но помни, когда я говорю «дорогая», — это означает именно э т о. Дорогая.

Р о з. Если кто-нибудь начнет подниматься, мы услышим... (*Целует Майкла.*)

В этот момент за дверью туалетной комнаты раздается звук поворачивающегося ключа. Они едва успевают отпрянуть друг от друга, как дверь открывается и входит мисс Тереза Браун. Она стара, ей уже, видимо, далеко за семьдесят. Закрывает за собой дверь.

Тетя Элен!..

Т е р е з а не обращает на них ни малейшего внимания. Проходит мимо, словно в комнате никого нет, и скрывается на лестничной площадке.

М а й к л. В чем дело? Отчего она тебе не ответила?.. Как по-твоему,— она видела?

Р о з. Нет. Может быть, слышала.

М а й к л. Что она могла слышать?

Возвращается Т е р е з а. Улыбаясь со сдержаным радушием, подает руку.

Т е р е з а. Если не ошибаюсь,— Роз? А Мэри мне не сказала, что вы приехали.

Р о з (*целует ее.*). А вы — тетя Элен. Или мне следует называть вас бабушкой?

Т е р е з а. Я тетя Тереза, дорогая моя.

Р о з. Какая я глупая!

Т е р е з а. Ничуть,— ведь столько лет прошло... Тебе тогда было не больше шести, не правда ли?

Р о з. Да, не больше. Тетя Тереза, это мистер Денис.

Т е р е з а. Рада познакомиться с вами, мистер Денис. Бедняжка племянница часто упоминала о вас в своих письмах.

Роз (*Майклу*). Мама...

Майкл. Понимаю. Надеюсь, мисс Браун, вы не сочли, что я не оправдал вашего доверия?

Тереза. Доверия? Не понимаю, что вы имеете в виду, мистер Деннис.

Майкл. Мы опоздали на двенадцать часов. Я решил, что разумнее выехать утром, а не сразу после похорон.

Тереза. Мне очень жаль, моя девочка, что я не присутствовала на погребении, но я не могла оставить твоего дядю и тетю Элен. Надеюсь, мистер Деннис, вам удалось найти ночлег в деревне?

Майкл. О да, конечно,— в «Красном льве».

Тереза. Сегодня утром отец Тернер отслужил мессу по твоей матушке, моя дорогая.

Роз. Если бы я знала! Мне следовало быть там.

Тереза. Мы все были в церкви — даже твой дядя. Мы думали и о тебе... Вы католик, мистер Деннис?

Майкл (*отрывисто*). Нет.

Тереза. Удивительно, что племянница назначила вас своим душеприказчиком.

Роз (*резко*). А почему бы и нет? Отец не был католиком.

Тереза. Да, дорогая, к сожалению, не был. Не хотите ли чашку чаю, мистер Деннис?

Майкл. Не беспокойтесь, прошу вас. Я только проводил Роз...

Тереза. Трудящийся достоин награды за тру-

ды свои¹. Извините, мистер Деннис, одну минуту...
(Подходит к двери и зовет.) Мэри!

Ответа нет.

(Выходит на площадку и снова зовет.) Мэри!
(С площадки.) Который час, мистер Деннис?

Майкл. Ровно пять.

Тереза. Странно. Мэри всегда очень пунктуальна... Она обязана работать до четверти шестого.

Майкл. Уверяю вас, мне пора.

Тереза. Брат всегда в это время пьет чай. Мэри!
(Спускается по лестнице.)

Майкл. Ну, что ж, лед сломан. Впрочем, нам все равно: мы с тобой оба неплохо бегаем на коньках.

Роз. О чем ты тревожишься, милый? Обо мне? Не нужно, честное слово. (Чуть грустно.) Я стала твоей в ночь после похорон мамы. Я знаю,— это страшный грех, такой же, как кровосмешение. Во веки веков. Аминь.

Майкл. Нет, мне страшно за себя. Я боюсь, что ты вдруг исчезнешь. Скроешься, как в дремучем лесу,— вот здесь, среди стариков. Мне почему-то кажется, что я теряю тебя. Минуты летят... Кто знает, что будет завтра.

Он ходит по комнате, а она все еще стоит посередине, растянутая и смущенная.

Роз. Не тревожься, милый,— ты не можешь меня потерять. В конце концов, ведь ты назначен душеприказчиком.

¹ Изречение из «Евангелия».

Майкл. Да, для делового свидания всегда можно найти повод,— ты это хочешь сказать? (*Поднимается по ступенькам.*) Она вышла отсюда. (*Открывает дверь.*) Что за чепуха! Туалетная комната и ванная рядом с гостиной!.. Очевидно, раньше здесь была спальня.

Входит мисс Элен Браун.

Элен. Роз?

Целуются.

Милая крошка! Помнишь, я когда-то тебя так называла... Мистер Деннис?

Рукопожатие.

Вы не поверите, мистер Деннис, до чего она была непослушна, эта милая крошка!

Элен немного моложе своей сестры. Это полная, довольно добродушная на вид женщина. Ей ничего не стоит вломиться в чужую жизнь и даже не заметить этого.

Мне сказала Тереза, что вы приехали. Она готовит чай. Прислуга ушла раньше времени,— впрочем, часы на кухне вечно спешат. Роз, милая, может быть, ты поможешь тете сделать тартинки?

Роз. Но я не знаю, где...

Элен. Вниз по лестнице, на первом этаже. Ты сразу услышишь, как она там возится. (*Майклу.*) У бедняжки слабеют глаза. Что поделаешь — семьдесят восемь лет...

Роз (*Майклу.*) Я вас еще увижу?..

Элен. Мистер Деннис выпьет с нами чаю. Не правда ли, мистер Деннис?

Роз нехотя уходит.

Элен. Я была так расстроена тем, что не попала на похороны. Но вы, конечно, поймете,— я не могла оставить брата и сестру. Садитесь, прошу вас, мистер Денис.

Майкл. Мне бы не хотелось задерживаться.

Элен. Но мы должны вас о многом расспросить. (*Плотно усаживается в самое удобное кресло.*) Все Брауны любопытны, как Флопси Бонни¹. Вы помните Флопси Бонни, мистер Денис?

Майкл. Боюсь, что нет.

Элен. Вы не знакомы с Беатрис Поттер?.. Хотя верно,— ее теперь мало знают. Она принадлежала к моему поколению. Я как-то встретилась с ней у Дэбенхэма²— она что-то покупала... А вы мне показались старше...

Майкл. Мне сорок пять лет. (*Нехотя садится.*)

Элен. Мы, католики, держимся порою слишком уж обособленно, вам не кажется? Милая Тереза была поражена, узнав, что племянница поручила выполнение своей последней воли — не католику.

Майкл. Я был другом ее мужа. И не только другом, но и учеником. Я ему многим обязан, вплоть до теперешней работы в Лондонском университете.

Элен. Вы, конечно, сочтете это узостью, но нам никогда не была по душе специальность бедного Джона. Племяннице было бы очень неприятно узнать это.

¹ Флопси Бонни — любопытные маленькие кролики, персонажи детских сказок известной английской писательницы и общественной деятельницы Беатрис Поттер (Беатрис Уэбб).

² Дэбенхэм и К° — известная лондонская торговая фирма.

Майкл. В таком случае, боюсь, что мою профессию вы тоже не одобрите... Впрочем, я всего лишь преподаватель психологии. Не профессор.

Элен. О, что вы, мистер Деннис, — к вам это не может иметь ни малейшего отношения. Ведь мы с вами чужие. Ну, а как насчет завещания? Ведь подробностей мы еще не знаем. (*Добродушно.*) Любопытство, ничего не поделаешь.

Майкл. Когда Роз исполнится двадцать пять лет, она будет получать около восьмисот фунтов в год. До тех пор ваш брат и я являемся ее опекунами.

Элен. К чему было вас беспокоить? Ведь это дело чисто семейное.

Майкл. Видите ли, опекуном меня назначил отец Роз перед своей смертью. Миссис Пембертон просто оставила это в силе. Друзья мужа всегда были и ее друзьями. После смерти Джона я их навещал каждое лето.

Элен (*с грустью*). Она единственная из Браунов вступила в брак не с католиком.

Майкл (*улыбаясь*). Единственная из всех Браунов?

Элен. Из наших Браунов — единственная. Значит, вы и душеприказчик, мистер Деннис?

Майкл. Да. Юристы, видимо, решили, что так значительно удобнее, поскольку я являюсь опекуном Роз. Но как только утвердят завещание, я перестану вас беспокоить.

Элен. О, вы меня не так поняли.

Майкл. Не думаю, мисс Браун, чтобы я был создан для роли опекуна.

Элен (*почти догадываясь, что он мог иметь в*

виду). Мы немного беспокоились о Роз, пока не получили вашей телеграммы.

Майкл. Она очень устала после похорон. Ей было бы слишком утомительно провести целую ночь в дороге. Я считал, что утренний поезд...

Элен. Бедной девочке было, наверно, очень тоскливо: одна на весь дом.

Майкл. Но лучше, чем в поезде. (*Поясняя несколько больше, чем следует.*) Для себя я снял комнату на постоянном дворе.

Элен. Очень разумно с вашей стороны, мистер Денис. Деревня остается деревней. Поднялись бы ненужные толки, если бы вы остановились в том же доме.

Майкл. Даже несмотря на разницу наших лет?

Элен (*с улыбкой, неумолимо*). Ах, мистер Денис, человек такое ужасное создание.

Майкл. Ужасное?.. Не думаю. Сложное. Запутанное. Если хотите, несчастное. Нуждающееся в помощи.

Элен. Племянница писала в одном из последних писем, что вы оказали ей много услуг. Мы вам чрезвычайно признательны за это. Сами мы почти ничего не могли для нее сделать.

Замечает, что Майкл слушает ее довольно рассеянно. Он все еще не может освоиться с этой комнатой. Особенно привлекают его внимание пятна на стене.

(*Старается поддержать разговор.*) Но мы сможем помочь Роз поскорее забыть...

Майкл. Прошу прощения... Забыть? Что именно?

Элен. Ее дорогую матушку.

Майкл. А всегда ли нужно забывать? Моя работа, в сущности, состоит в том, чтобы изо дня в день внушать студентам, как важно помнить.

Элен. Что вы так пристально рассматриваете, мистер Денис?

Майкл. Я вовсе не...

Элен. Боюсь, что здесь не все в порядке, но дело в том, что это наша единственная общая комната.

Майкл. А по виду дом кажется довольно вместительным.

Элен. Большая часть комнат закрыта.

Майкл. Последствия войны?

Элен (уклончиво). Разные причины. (*Видя, что он продолжает оглядывать комнату.*) Нужно сменить обои, но разве можно позволить себе такой расход?

Входит Тереза, в руках поднос с тартилками и кексом.

Тереза. Чайник закипел, Элен. Одну минуту, мистер Денис, все уже готово.

В семье она, конечно, играет роль домовитой Марфы¹. У нее мягкий характер, она покорно выполняет чужие распоряжения и, главным образом, по-видимому, распоряжения младшей сестры, которая, в сущности, далеко не так добродушна, как может показаться с первого взгляда.

Майкл. Благодарю вас, но мне надо идти.

Тереза. О, мистер Денис, вы еще должны познакомиться с нашим братом.

¹ Марфа — одна из сестер Лазаря, в евангельской легенде о посещении Христом Вифании.

Элен. Не настаивай, Тереза. У мистера Денниса свои дела.

Майл. Мне бы хотелось сказать перед уходом несколько слов вашей племяннице.

Тереза. Племяннице?.. Но ведь она... она... умерла...

Элен (*резко*). Дорогая моя, он говорит о Роз.

Майл. Нам с ней предстоит еще уладить много дел... В связи с завещанием.

Тереза. Как хорошо, что вы такой предусмотрительный человек, мистер Деннис!

Майл. Почему вы так думаете?

Тереза. Вы, наверно, сказали Роз: «Положитесь на меня, я обо всем позабочусь»... И, конечно, выразили это прелестно.

Майл (*осторожно*). Душеприказчик обязан действовать осмотрительно, иначе он может угодить за решетку.

Элен (*решившись*). Вам действительно следует встретиться с братом и обсудить с ним все эти юридические тонкости. Роз слишком молода, чтобы разбираться в них. Милая крошка!.. Тереза, скажи ей, чтобы она прилегла, если устала. Мы сами зайдем мистера Денниса.

Входит Роз. Она несет чайный прибор.

Роз. Я ничуть не устала.

Элен. В таком случае, прошу всех садиться, а я тем временем... Мистер Деннис, почему вы не снимете пальто?.. Я сейчас привезу Джеймса. Вы ведь знаете,— он уже много лет прикован к своему креслу. (*К Роз.*) Разливай чай, дорогая. (*Уходит.*)

Т е р е з а (*хлопочет у чайного прибора*). Садитесь, мистер Деннис, садись, Роз. Нет, нет, только не сюда, моя девочка. Это кресло тети Элен.

Роз и Майкл садятся рядом. Не решаясь взглянуть друг на друга, они оба пристально смотрят на хозяйничающую Терезу.

Где, ты сказала, была сегодня у заутрени, дорогая?

Р о з. Я не была, тетя Тереза.

Т е р е з а. Как не была? Но ведь сегодня день Богоявления!.. Хотя да, это, наверно, не страшно,— ведь ты была в дороге.

Р о з. Я просто позабыла. Можно было пойти рано утром, до поезда. Но я спала так крепко.

Т е р е з а. Один кусок, мистер Деннис?

М а и к л. Пожалуйста.

Т е р е з а. А тебе, Роз?

Р о з. Тоже один, тетя.

Т е р е з а (*разливая чай*). Как только пришло известие о твоей бедной маме, я заказала девять заупокийных месс.

Р о з. Спасибо, тетя Тереза.

Т е р е з а. Завтра утром ты, конечно, пойдешь. Это будет вторая из девяти. Мэри приходит только в половине девятого, но мы тебя сами разбудим.

Р о з. Спасибо.

Т е р е з а. Возьмите хлеб с маслом, мистер Деннис.

Роз и Майкл одновременно тянутся к тарелке. Случайно коснувшись друг друга, отдергивают руки.

Элен сказала тебе относительно твоей комнаты?

Р о з. Нет, тетя, но это не к спеху.

Т е р е з а . Видишь ли, дорогая, у нас здесь очень тесно. Многие комнаты закрыты. Мы считали, что ты не будешь возражать против того, чтобы спать здесь. Диван очень удобный, валик откидывается.

Р о з . Ну, конечно, тетя, очень хорошо.

М а й к л . Я уже говорил вашей сестре, мисс Браун, что снаружи дом кажется довольно большим.

Т е р е з а . О да, мистер Деннис, вы правы, но много комнат пришлось закрыть.

М а й к л . Последствия войны?

Т е р е з а . Не совсем.

Э л е н (*из-за двери*). Вот и мы. Не откроет ли кто-нибудь дверь?

Э л е н входит, толкая перед собой кресло, в котором сидит ее брат Джеймс. Ему около шестидесяти пяти лет. Трудно сказать — сама ли природа наложила на его лицо отпечаток силы, или же это следствие увечья, в результате которого вся жизненная сила должна была сосредоточиться в верхней половине его тела. Ноги прикрыты пледом. Шея закутана шарфом.

Джеймс, вот наша Роз. А это мистер Деннис, душеприказчик.

Д ж е й м с . Добро пожаловать, моя девочка. Столько лет прошло... Надо признаться,— ты изменилась больше, чем я.

Р о з (*наклоняется к нему, целует*.). Как вы поживаете, дядя?

Д ж е й м с . Недурно, дорогая. Теперь, слава богу, ты не станешь играть моим креслом, превращая его в поезд. Надеюсь, мистер Деннис, она не доставила вам слишком много хлопот? Мы ждали вас вчера вечером.

Майкл. Мы решили, что удобнее выехать утром, мистер Браун.

Элен. Отец Браун, мистер Деннис. Ведь наш брат...

Майкл. Да-да, конечно. Извините, пожалуйста.

Джеймс. Ну, Роз, вот ты и снова в кругу нашей семьи. Тебе не будет с нами тяжело? Конечно, мы немного постарели, но мы не очень плохие люди.

Роз. Я рада, что мама поручила меня вам. Без вас я пропала бы.

Джеймс. В семье Пембертонов ты единственная католичка. Впрочем, ты для меня никогда не была представительницей Пембертонов.

Тереза (*передавая чашку*). Вот твой чай, Джеймс.

Роз. Дать вам хлеба с маслом, дядя?

Джеймс. Нет, дорогая, спасибо. Только чаю. Едок из меня неважный.

Тереза. О, Роз, что за странная история произошла вчера вечером. Позвонила какая-то женщина и спросила, не те ли мы Брауны, к которым должна приехать племянница.

Роз. Кто это был?

Тереза. Понятия не имею. Когда я сказала, что ты приедешь только сегодня, она сразу повесила трубку.

Элен. Мне ты ничего не сказала, Тереза. Что за скрытое маленькое создание!

Тереза. А я только сейчас вспомнила. (*К Роз.*) Наверно, одна из твоих подруг захотела узнать о тебе?

Роз. Не представляю, кто бы это мог быть — здесь, в Лондоне. (*Смотрит на Майкла, в ее глазах догадка и тревога.*)

Тереза. Ну, если дело важное, она позвонит еще раз. Кстати, о важном Джеймс, Мэри сегодня ушла на пятнадцать минут раньше времени.

Элен. Это не ее вина. Часы на кухне давно уже спешат на двадцать минут.

Во время этого разговора Роз и Майкл молча сидят рядом. Они смущены и не в состоянии болтать о пустяках.

Тереза. Если часы спешат давно, тем более она обязана была поинтересоваться, который час по-настоящему. (*Джеймсу.*) Быть может, ты с ней поговоришь? На нее это произведет большое впечатление. Ах... (*Внезапно ставит чашку и идет к двери.*)

Элен. Что случилось?

Тереза. Если Мэри ушла раньше времени, то что же будет с плитой?

Элен. Плита может подождать. Ах ты, моя Марфа-хлопотунья!

Тереза. Ты же первая будешь ворчать вечером, если пирог не удастся.

Элен. Тогда разреши мне им заняться. По крайней мере виновата буду я одна.

Тереза. Но сегодня моя очередь готовить. Правда, Джеймс?

Джеймс. Сегодня четверг? Да, твоя.

Элен. Я помогу тебе, дорогая. У меня сердце разрывается, когда ты ворочаешь тяжести.

Пока шел этот спор, Роз и Майкл немного отодвинулись от остальных.

Т е р е з а выходит. Собираясь последовать за ней, Элен оглядывается и замечает, как Майкл дотрагивается до руки Роз, принимая от нее пустую чашку.

Р о з. Спасибо, милый. (*Она спохватилась, но поздно. Слово уже произнесено.*)

Э л е н. Джеймс, угости мистера Денниса моим кексом. (*Уходит.*)

Д ж е й м с. Она замечательно печет кекс, мистер Деннис.

М а й к л. Благодарю, но мне пора домой.

Р о з. Мне так жаль...

М а й к л. Чего?

Р о з. Я хочу сказать, что доставила вам массу хлопот.

М а й к л. Ничуть. Но моя жена, наверно, беспокоится. Она не очень здоровый человек, ее легко взволновать. Мне следовало сразу отправиться домой, но я счел необходимым сначала поговорить с вами. По поводу завещания.

Р о з (*стремится обеспечить на завтра встречу с любимым.*) Нет, нет! С этим можно подождать... до завтра. Вы приедете завтра? Тогда мы и поговорим.

М а й к л. Разумеется. Когда хотите. Я позвоню завтра утром. А сейчас — отдыхайте.

Они стараются ободрить друг друга в присутствии Джеймса.

Р о з. Вы столько для меня сделали.

М а й к л. Как же иначе? Я обязан позаботиться о вас. Всего доброго, отец Браун.

Д ж е й м с. До свиданья, мистер Деннис. Надеюсь, до скорой встречи.

Р о з. Мне кажется, вы позабыли какие-то бумаги... Вот там.

Это сказано, чтобы иметь возможность пройти за кресло священника, где он их не может видеть. Они не смеют поцеловаться, но на мгновение прильнули друг к другу.

М айкл. Вероятно, они остались в кармане пальто.

Майкл и Роз направляются к двери.

Не спускайтесь. До вестибюля ведь далеко. До завтра, Роз.

Р о з. До завтра.

М айкл (*оглядывая напоследок эту странную комнату*). До свиданья. (*Уходит.*)

Р о з следует за ним на лестничную площадку. Слышино, как он спускается по лестнице, но Роз все не возвращается. Пауза.

Д ж е й м с. Поди сюда, дорогая. Хочешь еще чаю?

Р о з (*возвращается*). Я не очень люблю чай.

Д ж е й м с (*угадывая ее мысли*). Да, спускаться приходится очень долго. В нашем доме только кухня находится там, где положено: на первом этаже. Хоть ты и не хочешь чаю, все равно — подойди, сядь рядом. Я редко вижу незнакомые лица.

Р о з. Разве я вам незнакома?

Д ж е й м с. И незнакомых можно любить...

Р о з. Да, конечно... (*Подходит к нему, но мысли ее заняты другим.*) Дядя, почему заперто столько комнат?

Д ж е й м с. Ты уже заметила? Так скоро?

Р о з. Я только что ошиблась этажом. Странный дом. Мне показалось, что комнаты внизу заперты.

Джеймс. Пожалуй, я объясню тебе, хотя, по существу, причина очень глупая.

Роз. А именно?

Джеймс. Не стоило бы говорить, будь ты случайной гостьей. Но дом этот будет твоим домом. Ты сама все увидишь. Тетя Тереза... да и тетя Элен — они, наверно, покажутся тебе странными...

Роз. Мне показалось забавным, как тетя Тереза выходит оттуда, не обращая никакого внимания...

Джеймс. Да-да, конечно, это немного забавно... Мне бы хотелось, чтобы ты продолжала считать это забавным... и чуточку трогательным. Это никому не причиняет вреда. Пусть это тебе не действует на нервы. Я иногда думаю, что у молодежи нервы хуже, чем у стариков. Старость — недурное лекарство, и с годами оно не теряет своего действия.

Роз. Но вы еще не объяснили мне...

Джеймс. Это сущие пустяки, моя девочка. Я, конечно, мог все пресечь... Надеюсь, ты от души посмеешься. Смейся на здоровье,— это действительно довольно забавная история.

Роз. Да?

Джеймс (*собравшись с духом*). Понимаешь, в нашей прежней гостиной спит тетя Элен. Мне, как больному, они хотели предоставить столовую, но я убедил их, что будет трудно таскать меня вверх и вниз по лестнице. Поэтому меня поместили вон там рядом — в той комнатке, где раньше жила наша няня. Тереза заняла комнату около моей — бывшую дневную детскую. А здесь была детская спальня. Все остальные спальни заперты.

Роз. Но почему?

Джеймс (*медленно, с трудом*). Они не хотят пользоваться комнатами, где кто-нибудь когда-нибудь умер.

Роз (*не понимая*). Как это — умер?

Джеймс (*с нарочитой небрежностью*). У людей выработалась привычка — умирать в спальне. Дому этому много лет, и сестры не решаются пользоваться ни одной из спален. И вот они их и заперли. Все, кроме этой. Здесь постоянно была детская спальня, а дети умирают не часто и, во всяком случае, не от старости.

Роз. Когда ж это все началось?

Джеймс. Точно не знаю. Я это заметил только, когда умер отец. То, что заперли комнату матери, казалось вполне естественным,— там больше некому было спать: я приезжал только на праздники, а гостей не бывало... Но когда случилось это (*показывает на ноги*), и я стал здесь жить, мне бросилось в глаза, что комната отца тоже на замке. Я было хотел занять комнату этажом ниже, но Тереза сказала... да, по-моему, это была Тереза: «Но ведь это была комната Роз»...

Роз. Роз?

Джеймс. Твоей бабушки. Из всех нас только она одна состояла в браке. Она скончалась в этом доме, когда рожала твою маму.

Роз. Значит, тогда-то это и началось?

Джеймс. Кто знает, когда именно что-либо началось? Быть может, и тогда. А может быть, еще в то время, когда мы малышами спали все вместе в этой комнате.

Пауза.

Роз (*с содроганием*). Это ужасно, правда?

Джеймс. Нет, моя дорогая, вовсе не ужасно. Я иногда подщучивал над ними, угрожая умереть вот здесь, в этой комнате, и задавал им вопрос: где же вы тогда устроите гостиную для оставшихся в живых? Но я думаю, что в последнюю минуту они успеют вытащить меня в мою собственную комнату. А потом ее наглухо закроют.

Роз. Все-таки я не понимаю...

Джеймс. И я тоже. Вероятно, это страх смерти, неотвратимости смерти. Случайная смерть их не очень волнует. Твоя мать была сравнительно молоды, поэтому ее кончину они приняли не очень близко к сердцу. Неизбежность конца — вот, что их пугает. Разумеется, когда кто-нибудь умирает, они проделывают все, что полагается, они хорошие католики. Заказывают панихиды, молятся, а потом как можно скорей забывают. В первую очередь исчезают фотографии.

Роз. Но почему? Почему?

Джеймс. Спроси лучше у Денниса — это по его специальности. Он преподает психологию, читает о ней лекции, пишет книги. Наверно, он скажет, что это невроз страха. Или найдет еще более сложное название. Психология не мое дело. Я всего лишь священник. Сестры неплохие женщины, вряд ли на их совести есть хоть одно большое прегрешение. Быть может, это не так уж хорошо. В былое время я замечал, что зачастую именно грешники веруют крепче других. Веруют в милосердие. А у сестер, пожалуй, вовсе нет веры. Ты боишься смерти?

Роз. Не знаю... Я вообще не думала об этом.

Джеймс. Понятно,— об этом следует думать им, а не тебе.

Роз. А вы, дядя, боитесь умереть?

Джеймс. Когда-то боялся. Лет двадцать назад. А потом со мной случилось нечто похуже. Бог словно покарал меня за этот глупый страх. После автомобильной катастрофы я превратился в бесполезное существо. Какой толк от священника, который не может отслужить мессу, выслушать исповедь, посетить больного? Мне не следовало бояться смерти. Стать никому не нужным — вот чего я должен был страшиться.

Роз. Но вы нужны вашей семье.

Джеймс. Священнику нельзя ограничиваться тем, что он служит поддержкой только собственной семье. Иногда по утрам, когда я еще не совсем проснулся, я воображаю, что ноги мои — при мне. Я размышляю: «Господи боже мой, какой сегодня утомительный день! С утра — богослужение, потом Союз святого причастия, затем Общество алтаря, затем...». Странно, что когда-то мне надоедала вся эта суэтня.

Роз. Но раз я теперь буду здесь, мы сможем с вами гулять. На набережной или в парке.

Джеймс. Да, это было бы хорошо... время от времени. Но для этого потребуются еще двое слуг. Лестница высока, а я довольно тяжелый. Нет, я не стану тебя затруднять, моя девочка. Да и надеюсь, ты скоро выйдешь замуж.

Роз. Ну, впереди еще много времени.

Входит Элен.

Э л е н. Бедное беспокойное создание. Плита была в полном порядке. На Мэри всегда можно положиться. А мистер Деннис ушел?

Д ж е й м с. Недавно.

Э л е н. Приятный человек, но боюсь, ему не хватает чувства юмора. Я упомянула о Флопси Бонни,— оказывается, он никогда о них не слышал.

Д ж е й м с. Не следует порицать его за это, Элен. Я, например, никогда не читал «Потерянного рая».

Поспешно входит Т е р е з а.

Т е р е з а. А где мистер Деннис?

Э л е н. Он уже ушел.

Т е р е з а. Снова звонит эта женщина. Та, что звонила вчера. Она хочет с ним говорить.

Р о з. Могу дать его телефон. (*С еле уловимой горечью.*) Она застанет его дома.

Т е р е з а. Я ей сказала, что, по-моему, он ушел, но она желает поговорить с тобой, Роз.

Р о з (*испуганно*). Со мной?

Т е р е з а. Это жена мистера Денниса. Ты поговоришь с ней, дорогая? Она задает такие вопросы,— я не могу на них ответить.

Р о з. Но я с ней не знакома. Я ее даже никогда не видела.

Элен внимательно слушает.

Д ж е й м с. Какие вопросы, Тереза?

Т е р е з а. Она говорит, что ночью плохо себя чувствовала и пыталась вызвать мистера Денниса... Где, ты говорила, он останавливался, Роз?

Р о з. Я не знаю. Где-то в деревне.

Т е р е з а . А потом она и тебе звонила, но тебя не было дома. Мне она показалась какой-то странной. Пойди к телефону, девочка, она ждет.

Д ж е й м с . Конечно, лучше поговорить с ней

Р о з (в отчаянии). Я не могу. Я ее не знаю. Майкл с минуты на минуту будет дома.

Э л е н . Не расстраивайся, моя милая крошка. Крошка устала с дороги. Тетя Элен возьмет все на себя. (Уходит.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Гостиная. Следующее утро.

М айкл один. Ему не по себе. Он открывает портфель, достает какие-то бумаги, кладет обратно. Подходит к окну, выглядывает. Входит Т е р е з а .

Т е р е з а . Доброе утро, мистер Деннис.

М айкл . Доброе утро. Вчера я обещал, что зайду.

Т е р е з а . Мы не ждали вас так рано.

М айкл . В одиннадцать у меня лекция.

Т е р е з а . Брат еще завтракает. Мы с сестрой ходили к заутрене...

М айкл . Вашего брата не надо беспокоить, мисс Браун. Я пришел к Роз.

Т е р е з а . Но ее нет дома. Она не была с нами в церкви.

М айкл . Я могу прийти днем, после трех. В два у меня занятия со студентами.

Т е р е з а . Днем ее тоже не будет дома.

М айкл . Ну что ж,— постараюсь зайти вечером.

Тереза. И вечером ее не будет. Так сказала Элен.

Майкл (*поняв,— с мрачной иронией*). И завтра, сказала мисс Браун, ее тоже не будет дома?

Тереза. Да.

Майкл. Почему?

Тереза. Элен, наверно, знает — почему. Я не знаю.

Майкл. Где Роз?

Тереза. Не знаю. В самом деле, не знаю, мистер Деннис. Мне никогда ничего не объясняют.

Майкл. Я назначен душеприказчиком по завещанию ее матери. Кроме того, я опекун Роз. Ваша сестра не вправе запретить мне разговаривать с ней.

Тереза. Я понятия не имею, мистер Деннис, что она вправе делать и чего не вправе. Если бы вы знали, какая она настойчивая. Она всегда делает по-своему, хотя я старше ее. И даже Джеймс... а ведь он священник... Ах, мистер Деннис, она установила в доме такие порядки, что... (*Смотрит на дверь туалетной.*) Право, мне стыдно. Представляю себе, что может подумать о нас посторонний человек...

Майкл. А что, если я подожду здесь возвращения Роз?

Тереза. Так ведь я вовсе не уверена, что ее нет дома. Но как бы то ни было, сестра не допустит, чтобы она встретилась с вами.

Майкл. Быть может, вы не откажете передать ей...

Тереза. Мне нужно будет спросить у Элен.

Майкл. Но ведь я назначен ее опекуном.

Тереза. Элен считает, что это была ошибка.

Майкл (раздраженно). Меня абсолютно не интересует, что считает мисс Браун...

В открытых дверях появляется Элен. Она вкатывает в кресле Джеймса. Былого добродушия — нет и следа. Теперь ясно видно, какая железная воля у этой женщины.

Элен. Доброе утро, мистер Деннис. Какой ранний визит!

Майкл (непреклонно). Я пришел повидаться с Роз. Здравствуйте, отец Браун.

Джеймс. Если бы от этого стало легче, я бы сострил, что меня в катили в это дело...

Майкл. Легче не станет. Тем более, что я не знаю, в чем состоит это дело.

Элен. Ваша супруга, мистер Деннис, вчера снова звонила. Сразу же после вашего ухода.

Майкл. Знаю. Она мне говорила.

Элен. Теперь ответственность за Роз легла на нас. И надеюсь, вы понимаете, что мы обязаны выяснить все до конца.

Майкл. Что выяснить?

Джеймс. Бога ради, садитесь. Глядя на вас, мне самому хочется встать.

Все усаживаются.

Тереза. Только не сюда, мистер Деннис! Это кресло Элен.

Элен. Тереза, не кажется ли тебе, что необходимо присмотреть за Мэри?

Тереза. Сегодня не моя очередь.

Элен. Мне нужно кое о чем поговорить с мистером Деннисом.

Т е р е з а . Но ведь я самая старшая!

Э л е н . В том-то и дело, дорогая. Это не для людей твоего поколения.

Т е р е з а (*взывая к брату*). Джеймс!..

Д ж е й м с . Иди, дорогая. Нас здесь и так более чем достаточно.

Э л е н . Мне послышалось, что Мэри пошла на второй этаж.

Т е р е з а . Надеюсь, она не вздумала затеять уборку в запертых комнатах.

Э л е н . Я ее предупреждала, но все же лучше, если ты проверишь.

Т е р е з а торопливо покидает комнату.

Ну, Джеймс...

Джеймсу неловко. Он молча сидит в своем кресле. Пауза.

Ты обещал поговорить с мистером Деннисом.

Д ж е й м с (*с беспомощным, почти умоляющим выражением лица*). Мистер Деннис не католик, и здесь не исповедальня. Я не имею права.

Э л е н . Но, Джеймс, женщина не может спрашивать...

М а й к л . Сегодня меня допрашивают уже вторично. Так можно дойти и до Верховного суда. Вы хотите узнать, любовники ли мы — Роз и я? Да?

Э л е н . Право, мистер Деннис, мы бы никогда не поставили вопрос в такой грубой форме.

М а й к л . Но я не католик, как справедливо заметил ваш брат, меня не обучали разглагольствовать об «искорблении нравственности». Читая лекции, я

стремлюсь к грубости. Для меня это равноценно точности.

Джеймс. Простите, но до сих пор вы не были очень... точным.

Майкл. Вы сказали, что не имеете права. Согласен с вами. Отвечать я не стану.

Элен. Значит, нам остается предполагать наихудшее.

Джеймс. Говори за себя, Элен. Я так не думаю.

Элен. Где вы провели позапрошлую ночь, мистер Деннис? Ведь это ложь, что вы останавливались в деревне, не так ли?

Майкл. Предположим.

Элен. Зачем же вы нам сказали это?

Майкл. Я действительно снял номер...

Элен. Но ваша жена звонила и...

Майкл. К суду привлечены двое, и без согласия Роз ни на один вопрос я не отвечу. Было бы лучше, если бы вы дали мне поговорить с ней.

Элен. Нет, мистер Деннис, вы ее больше никогда не увидите!

Майкл. Весьма мелодраматично, но едва ли выполнимо. (*С внезапным страхом.*) Не заболела ли она?

Джеймс. Нет.

Майкл. Вы имеете дело не с детьми, мисс Браун.

Элен. Я имею дело с ребенком, мистер Деннис.

Майкл. Формально — да, и то в течение всего лишь года.

Элен. Охотно допускаю, что вы уже не ребенок. Сколько у вас детей?

Сцена из первого действия
Teatr Уиндемс. Лондон. 1953 г.

Сцена из первого действия
Театр Уиндемс, Лондон, 1953 г.

Майкл. У меня нет детей.

Элен. Зачем вам видеться с Роз?

Майкл. По завещанию...

Джеймс. Продолжайте быть откровенным. Таким вы мне больше нравитесь.

Майкл (уязвленный). Я люблю ее. Это для вас достаточно откровенно?

Элен. Откровенно? Это... это возмутительно. Соблазнить ребенка в день похорон матери!

Майкл. Разговор в стиле дешевых романов, мисс Браун.

Элен порывается ответить, но Джеймс прерывает ее.

Джеймс. Ты уже кончила спрашивать, Элен? Теперь оставь нас одних.

Элен. Ты слышал, что он себе позволяет?

Джеймс. Не надо сердиться. Конечно, когда нам причиняют боль, это всегда вызывает раздражение, гнев. Но в данном случае дело не в нас. Вопрос идет о людях более значительных.

Элен. Это ты его считаешь более...

Джеймс. Да, считаю. Мы с тобой имеем какое-то значение в лучшем случае для самих себя. А он дошел лишь до середины жизненного пути. Он более нас способен страдать.

Элен. Пожалуйста, без проповедей, Джеймс.

Джеймс. Прости. Иногда я вдруг вспоминаю, что я священник. Прошу тебя,— уди.

Элен. Джеймс, обещай по крайней мере...

Джеймс. Элен, я не выношу, когда твой голос начинает звучать на одной ноте. Мы с тобой оба слишком близки к смерти...

Элен. О, ты совершенно невыносим! (Уходит.)

Пауза.

Джеймс. Я знал, что это слово подействует.

Майкл. Какое слово?

Джеймс. Смерть.

Пауза.

Так что же нам делать с ней?

Майкл. По-моему, мисс Браун вполне может...

Джеймс. Я говорю о Роз. Ей известно, что вы женаты?

Майкл. Разумеется.

Джеймс. Вы, кажется, говорили, что сегодня это уже второй допрос?

Майкл (*беспрокойно шагает по комнате, время от времени останавливаясь возле кресла Джеймса*). Когда вчера вечером я пришел домой, жена уже удалилась в свою комнату и заперла дверь. Как присяжные — после допроса свидетелей. Сегодня утром она прочла мне приговор.

Джеймс. И он был справедлив?

Майкл. А вы верите в справедливость? (*С гневной иронией.*) О да, я позабыл! Вы верите в справедливого господа бога. Во всеведущего судью.

Джеймс. Справедливость этого рода не имеет ничего общего с правосудием. (*Поворачивает голову, следя за продолжающим шагать Майклом.*) Бог не судит — он просто поступает правильно. Ему известны все наши побуждения — и сознательные и бессознательные. Поэтому-то он и милосерден.

Майкл (*остановившись возле кресла Джеймса*).

На ваш взгляд, я просто немолодой мужчина, которому жена не желает дать развода.

Джеймс. Это не было бы выходом из положения.

Майкл. Но я хочу жениться на Роз.

Джеймс. Вам лучше просто жить с ней. Это было бы меньше обязывало.

Майкл. Как я ненавижу вашу логику!

Джеймс. Временами я ненавижу это безногое тело. Но разве моя ненависть в силах что-нибудь изменить? Ненавидеть факты — пустая трата времени.

Майкл. Я верю в иные факты.

Пауза.

Отец, среди нас, психологов, тоже бывают еретики. Я верю в анализ сновидений, но подчас я вижу такие простые, такие короткие сны, что в них как будто и нечего анализировать: какие-то очертания, краски, ощущение красоты — и все. Тогда я отказываюсь заглядывать глубже.

Джеймс. Вы это к чему?

Майкл. О, я могу проанализировать собственную любовь. Могу полностью изложить все ее основания. Тут и гордость, что меня полюбила девушка, и мысль о том, что жизнь мчится к концу, и ощущение последнего подъема перед старостью, и обаяние невинности, когда, уже перестав в нее верить, сталкиваешься с ней — это так же неожиданно, как встреча с единорогом в Гайд-парке. Да, отец, анализу можно подвергнуть все! Но иногда начинаешь думать: а стоит ли? Ну, предположим, я и назову

это неврозом страха, а после этого на меня огlinяется лицо — юное, сияющее, прелестное... Так зачем же мне объяснять свою любовь каким-нибудь мудреным образом?

Джеймс Священника не приходится убеждать, что истина порой выглядит весьма неправдоподобно. Это мне открылось много лет назад, на исповедях. Но все равно — я предпочел бы, чтобы вы не существовали. Или по крайней мере были иным.

Майкл. Каким же?

Джеймс. Скажем, похожим на вашего деда. Быть может, он и наведывался в публичные дома, когда бывал за границей, но он твердо знал, что любить можно только ту, с которой обвенчан. Ему и в голову не могло прийти бросить жену, — свет был так строг, — ну, не больше, чем вам могло бы прийти в голову совершить убийство. Быть может, вы и лучше его, но он приносил людям меньше горя.

Майкл. Я никому не намерен причинять горе.

Джеймс. У вас не очень богатое воображение. Как вы можете заниматься любовной интрижкой и никому не доставлять горя?

Майкл. Я не собираюсь заниматься «любовной интрижкой». С женой я порву спокойно, немного погодя, когда это не будет так мучительно.

Джеймс. Я ошибся. У вас избыток воображения, если вы думаете, что можно бросить женщину, не причиняя ей боли.

Майкл. Мы с ней... мы уже по существу давно перестали быть супругами.

Джеймс. Кем же вы были? Компаньонами?

Майкл. Я никому не хотел причинять боли. Я ничего не обдумывал заранее. Еще два месяца назад я просто не замечал Роз. Я приехал туда, когда у ее матери врачи диагнозировали грудную жабу. Ваша племянница знала, что может умереть в любую минуту, если сделает несколько лишних шагов или поднимет какую-нибудь тяжесть. Она хотела поговорить со мной о Роз. Я не был католиком, но мне она доверяла. Смерть ее мужа была в свое время тяжелой утратой для нас обоих... И вот в комнату вошла Роз. Я даже не потрудился взглянуть на нее, но когда она нагнулась, чтобы поцеловать мать, я почувствовал запах ее волос. Потом она вышла из комнаты. Она была похожа на ландшафт, который вы увидели из окна вагона... вам захотелось остановить поезд... сойти...

Джеймс. Ну, и...

Майкл. Я остановил поезд.

Джеймс. За это полагается штраф.

Майкл. А я согласен платить. Я один. Никто другой.

Джеймс. Скажите, моя сестра права? Когда вы собирались на похороны, вы уже решили...

Майкл. Да нет же!.. Я об этом не думал до последней минуты. Будь я на вашем месте, меня бы это, наверно, тоже шокировало. Но ведь речь идет обо мне самом и Роз, а шокировать самого себя, мне кажется, невозможно. «С похорон хватило блуд остывших и на свадьбу...». А свадьбы-то и не было. Ее и сейчас не может быть. Что же нам делать?

Джеймс. Вы — психолог. Обратитесь к муд-

ности Фрейда, Юнга, Адлера¹. Быть может, они помогут вам? От меня вы можете получить только ответ священника.

Майкл. Я жду ответа священника. По крайней мере я буду знать, с чем мне нужно бороться.

Джеймс. Я могу ответить только одно. Вы поступаете дурно по отношению к жене, по отношению к Роз, по отношению к самому себе и по отношению к богу, в которого вы не веруете. Уходите. Не встречайтесь с ней, не пишите ей, не отвечайте, если она вам напишет. Некоторое время ей будет очень тяжело. Вам тоже. Вы не жестокий человек.

Майкл. А потом?..

Джеймс. Верьтесь всевышнему. Все будет хорошо.

Майкл (*раздраженно*). Хорошо? Странное у вас представление о хорошем. Допустим, я ее бросил. Прекрасно. И для нее любовь навсегда будет неотделима от измены. Когда она снова полюбит, ее не будет покидать эта мысль --- мысль о том, что любовь недолговечна. Она выработает какую-нибудь систему самозащиты, замкнется в свою скорлупу и так и умрет. А я стану продолжать жизнь, которую вел последние десять лет. Время от времени тайком проводить ночь со случайными женщинами, а жить рядом с нежеланной, с тяжелой истеричкой. Теперь у нее хоть появились какие-то реальные основания для истерических выходок, но в течение десяти лет она

¹ Зигмунд Фрейд — известный австрийский психолог. Юнг, Адлер — его последователи.

изобретала их. Все время — с тех пор, как умер наш ребенок. Иногда я ловлю себя на мысли: а вдруг и это было ее выдумкой?.. Я не присутствовал при его смерти.

Джеймс. Вы не можете помочь даже собственной жене?

Майкл. Нет, не могу. Я слишком тесно связан с ней. Я — часть ее болезни, часть самого ее существования.

Джеймс. Значит, вы убьете ее. Ради бога, не говорите со мной больше о психологии. Скажите просто, что вы собираетесь делать?

Майкл. Жить с Роз. Жить обычновенной спокойной человеческой жизнью. Иметь семью. Роз сможет принять мою фамилию. Для удобства. Ради детей. И никто ничего не будет знать. Может случиться, что жена даст мне когда-нибудь развод, и мы сможем вступить в брак.

Джеймс (*с иронией*). Не стоит стараться. Натакой брак Роз не согласится.

Майкл. Вы ее не знаете.

Джеймс. В одном отношении я ее знаю лучше, чем вы. Нельзя заставить католика считать запись в конторской книге браком. Мы ошибаемся не меньше вашего, но у нас хватает здравого смысла сознавать это. Не стану утверждать, что Роз не будет счастлива в какой-то мере... пока не потухнет страсть. Но после этого она вас оставит, и никакая запись в конторской книге вам не поможет. Так что не стоит подобным образом соединять свою судьбу с одним из нас.

Майкл. Что ж, рискну.

Джеймс. А ваша жена?

Майкл. Истерики и скандалы будут продолжаться, пока она не добьется своего. Можно поступать двояко. Можно ей уступить и тем самым ускорить очередную сцену: она чует успех, как хорошая гончая. Можно просто выйти: ей не к чему устраивать сцены в одиночку. Сколько раз мне приходилось убегать на полчаса. Я уйду для ее же блага. Я кажусь вам жестоким, отец? Я не жесток. Я ее люблю. Она моя жена. Из-за нашего ребенка она потеряла здоровье. Пусть она будет счастлива. Я старался, но больше не могу. Продолжать бессмысленно, ничего хорошего не получится ни для меня, ни для нее. Мы с ней порвем, рано или поздно. Зачем же длить мучения? Для чего? (*Подходит к самому креслу.*)

Джеймс (*дрожит, его голова упала на грудь*). Как ужасен мир!

Майкл. Можете вы хоть на время забыть, что вы священник?

Джеймс (*с горьким упреком самому себе*). Я об этом почти и не вспоминаю.

Майкл. Просто как человек вы в состоянии представить себе Роз счастливой в этом доме, с тремя стариками, среди всех этих запертых комнат... Почему они заперты?

Джеймс (*смузенно, тихим голосом*). Им страшно жить там, где кто-нибудь умер. Поэтому они заперли спальни.

Майкл. Ах, вот оно что! Мне нередко приходилось сталкиваться с подобными случаями. Это как навязчивый невроз: люди никак не становятся взрослыми, все еще верят — они не умрут.

Джеймс. Как вы любите эти скоропалительные умозаключения, Деннис.

Майкл. И это семейный очаг для Роз? А что будет, если кто-нибудь из них умрет? Или умрете вы? Вы только представьте себе: Роз помогает перетаскивать мебель в другое убежище! Разве это жизнь для девушки?

Джеймс. У вас столько доводов... но...

Пауза.

Майкл (*ему кажется, что он победил*). Но что?

Джеймс. У бога столько милосердия.

Майкл. Не рассчитывайте, что я буду полагаться на это.

Джеймс. Мы тоже делаем это не очень часто.

Майкл. Обращаться к вашей сестре бесполезно. Но я прошу вас. Позвольте мне поговорить с Роз.

Джеймс. А может быть, вы дадите ей побывать одной, чтобы она сама решила за себя?

Майкл. Или, чтобы за нее решила ваша сестра?

Джеймс (*делая последнюю попытку*). Вы психолог. Вы знаете, что молодые девушки часто увлекаются мужчинами вашего возраста, нуждаясь просто в отце.

Майкл (*настороженно*). Что же из этого?

Джеймс. Роз никогда не знала своего отца.

Майкл (*это задевает его за живое; он реагирует чрезчур бурно*). Прекрасно! Я согласен заменить ей отца. Плевать,— лишь бы она была счастлива! Как причина для любви это ничуть не хуже, чем темные волосы или красивый профиль. Волосы се-

деют, растет второй подбородок, а это — неизменно на всю жизнь.

Джеймс. Не стоит загадывать на такой долгий срок.

Майкл. Возможно, я умру прежде, чем надоем ей.

Джеймс. Возможно. Но уж если необходимо полагаться только на это!..

Внизу слышен звонок.

Майкл. Можно, я пойду к ней?

Джеймс. Ее нет дома. Элен позаботилась об этом.

Майкл. Тогда я подожду ее.

Джеймс. Я ведь все равно не могу вас выгнать.

Майкл (*услышав шаги на лестнице*). Это Роз.

Джеймс. Это всего лишь Мэри.

Майкл. Нет, это ее походка. Она поднимается. Значит, я встречаюсь с ней с вашего согласия? Или без него?

Джеймс. Что вы собираетесь ей сказать?

Майкл. Я буду просить ее уложить вещи.

Входит Роз. Удивлена и обрадована при виде Майкла.

Роз. Но вы ведь звонили... Мне сказали, что вы звонили и просили мне передать...

Майкл. Что?

Роз. Что вы не сможете прийти. Что вы должны уехать на неделю.

Майкл. Я не звонил. Нам хотели помешать встретиться.

Роз. Но это же нелепо! Дядя, вы-то здесь ни при чем?

Джеймс. Нет. Он хочет поговорить с тобой. Ты можешь меня увезти.

Роз (*глядя то на одного, то на другого*). Что случилось? В чем дело? Скажите мне, в чем дело?

Джеймс. Он хочет, чтобы ты уложила вещи.

Роз. Значит, мы уходим? (*Говорит возбужденно, не совсем отдавая себе отчет*.) Они все знают о нас? Ты хочешь, чтобы я ушла сегодня? Сейчас?

Майкл наблюдает за ней со все возрастающим замешательством. Она слишком молода и неопытна.

Как удачно, что я не распаковала сундук. Я буду готова через несколько минут. (*С внезапным раскаянием поворачивается к дяде*.) О, дядя, вы, наверно, считает нас очень безнравственными?!

Джеймс. Нет, не считаю. Ибо вы не ведаете, что творите... Как невинные дети.

Роз (*с гордостью*). Не невинные.

Джеймс. Пожалуйста, Роз, открой дверь.

Роз. Я не хотела вас огорчать. Просто это так получилось.

Джеймс. Не беспокойся обо мне.

Роз. Я знаю,— это дурно, но мне все равно. Мы счастливы, дядя!

Джеймс. И он — тоже?

Роз бросает взгляд на Майкла. Он не производит впечатления счастливого человека.

Роз. Милый, что-нибудь произошло?

Майкл. Жена знает.

Роз (*с беспечностью и равнодушием молодости*). Рано или поздно — это должно было случиться. Она очень сердилась?

Майкл. Не то слово.

Роз. Тебе было тяжело?

Майкл. Тяжело было не мне.

Роз. Конечно, конечно... Это ужасно грустно, но у нас с тобой все будет прекрасно. Вот увидишь. А она как-нибудь преодолеет...

Майкл. Она очень плакала. Я оставил ее в слезах.

Джеймс. Прошу вас, откройте дверь, а то я чувствую себя сообщником.

Роз. Мне очень жаль, дядя. (*Открывает дверь, чтобы пропустить кресло Джеймса.*)

Джеймс. Ты еще зайдешь ко мне?

Роз. Как вы могли подумать, что я уйду, не попрощавшись с вами? (*Закрыла за ним дверь и обернулась к Майклу.*) Ну, как дела, милый?

Майкл. Плохо. Развода жена не дает. Быть может, мы никогда не сумеем повенчаться.

Роз (*с мимолетным разочарованием*). О!.. (*Успокоилась.*) А в общем, это пустяки. Все равно, брак не был бы настоящим. И потом, она может умереть...

Майкл. Ты — настоящая католичка. Мне никогда раньше не приходилось встречаться с католиками. Кроме твоей матери.

Роз. Если я и католичка, то только наполовину. Отец не был католиком.

Майкл. Ты его совсем не помнишь?

Роз. Нет. Но я видела фотографию. У него нос смахивал на твой.

Майкл (*сдержанно*). Никогда не замечал этого.

Роз. Можно укладываться? (*Не прерывая разговора, начинает складывать свои вещи в небольшой чемоданчик*)

Майкл. А вопросы религии тебя не волнуют?

Роз (*заходя в туалетную комнату за своими умывальными принадлежностями и пижамой,— небрежным тоном*). Ах, я думаю, что все в конце концов уладится. На смертном одре я исповедуюсь и умру в благоухании святости. (*Выходит из ванной*.)

Майкл. Наши дети будут незаконнорожденными.

Роз. Внебрачные дети — самые лучшие. Так утверждает Шекспир. (*Складывает пижаму и кладет ее в чемоданчик*.) Мы проходили «Короля Джона» в последнем семестре. Святые сестры старались скорее проскочить такие места. Помнишь это чудесное выражение о незаконных детях: «втихомолку рожденный». Мне очень нравился Фалькенбридж¹. Ох, как давно это, кажется, было...

Майкл. Твои тетки не позволят тебе вернуться.

Роз (*идет к шкафу, чтобы взять платье*). Неужели ты воображаешь, что меня это трогает? Милый, я ненавижу этот дом. Ненавижу до содрогания. Ты знаешь, почему они заперли комнаты?

Майкл. Знаю.

¹ Фалькенбридж — персонаж из пьесы «Король Джон», Шекспира, незаконнорожденный сын короля Ричарда Львиное Сердце.

Роз. Меня все время мучает мысль — кто из них где умрет. Если кто-нибудь умрет здесь, у них не хватит комнат для жилья. В этом есть что-то страшное. Как в рассказах Эдгара По.

Майкл. Какую уйму книг ты прочла.

Роз. Ты сердишься на меня. Но за что? Я делаю все, что ты потребуешь. Скажи мне только, куда идти, и я пойду. Как Руфь¹. «Твой народ будет моим народом»... Твой народ, наверно, все психологи?

Майкл. Не все.

Роз. Я читала Фрейда — «Психологию повседневной жизни».

Майкл. Читала?.. В самом деле читала?

Роз. Родной мой, тебя что-то мучает. Ты не влюбился в другую женщину?

Майкл. Нет. Тобою все было закончено.

Роз. В этом я никогда не буду уверена. Ты потратил на меня не очень много времени.

Майкл. У меня не было много времени, чтобы его тратить.

Роз. Нет, тебя что-то терзает... Совсем как вчера. В чем дело сейчас?

Майкл. Просто проклятое чувство ответственности... Послушай, Роз, все это очень серьезно. Ты хорошо подумала?

Роз. Я не хочу думать. Ты знаешь жизнь. Я — нет. Милый, ведь я никогда раньше не была влюблена. Ты — был.

Майкл. Я?

¹ Руфь — библейский персонаж, моавитянка, из любви к мужу принявшая его религию.

Р о з. В свою жену.

М ай к л. Ах да, конечно.

Р о з. Ты такой умный. Скажи мне, что делать. Я сделаю. Я запаковала вещи, но, если хочешь, — я распакую их. Милый, я сделаю все, что удобнее для тебя. Вели мне пойти в Ригел-Корт — сейчас, сию минуту, и я пойду.

М ай к л. В Ригел-Корт?

Р о з. Это... куда ходят... где встречаются любовники... Так все говорят. Хочешь — я сейчас пойду туда и потом вернусь. Хочешь — я буду встречаться там с тобой ежедневно. А хочешь — возьму свои вещи и уйду с тобой на долгие годы.

М ай к л. Только на годы?

Р о з. Лишь скажи, чего ты хочешь. Я очень послушная.

М ай к л. Родная моя, следует подумать не только о нас с тобой...

Р о з. Не заставляй меня думать! Я не знаю жизни. Со мной может случиться что угодно, и каждый раз я буду слышать вопрос: «А об этом ты подумала? А о том подумала?...» Пожалуйста, не надо... по крайней мере хоть сейчас. Просто скажи, что я должна делать.

М ай к л. Я тебя очень люблю.

Р о з. Конечно. Я знаю.

М ай к л. Я не хочу, чтобы ты поступила опрометчиво.

Р о з. Ну, а если я ошибусь разочек? Что особенного? Впереди много времени...

М ай к л. Твой дядя сказал, что я не жестокий человек... Я не очень хорошо знаю молодежь. За по-

следние несколько недель я внес столько тревоги, ворвавшись...

Роз. А я? Не надо так волноваться, милый. Все заботы от хлопот — так говаривала моя нянька. Давай-ка на целый месяц бросим думать о чем бы то ни было. А потом — будет уже слишком поздно.

Майл. Если бы я мог!

Роз. Но ты можешь.

Майл. Тебе легко жить настоящим. Прошлое у тебя так невелико, а будущее — огромно. А мое будущее настолько коротко, что его нетрудно представить себе, даже твой дядя может вообразить его за меня. Зато прошлое тянется сквозь длинный ряд лет. И оно полно воспоминаниями.

Роз. Вчера ты не был так ужасающе рассудителен.

Майл. Тебе придется мириться с моей «рассудительностью».

Роз. Конечно. Если нужно. (Закрывает чемоданчик.) Идем?

Майл. Я должен сначала зайти домой попрощаться.

Роз. Тебе это, наверно, очень мучительно.

Майл (резко). Не расходуй на меня своего сострадания. В конце концов, после стольких лет она имеет право, чтоб ее не волновали.

Роз. Прости меня.

Майл. Что ты, я сержусь вовсе не на тебя. Я зол на весь этот мир, в котором считают, что человеку безразлично...

Роз. Ты не позволишь ей уговорить себя? Нет?

Майл. Нет.

Сцена из первого действия
Teatr Hindemis, Лондон, 1953 г.

Сцена из второго действия
Teatr Уиндерс. Лондон. 1953 г.

Р о з. Ты принадлежал ей так долго. Она сумеет
найти самые подходящие слова. А я их не знаю.

М ай к л. Слова тебе не нужны. Ты молода, а
молодость в результате всегда побеждает. (*Привлекает ее к себе.*)

Р о з. Где мы встретимся?

М ай к л. На станции Ланкастер-Гейт. Через час.

Р о з (*ее тревожит его сдержанность*). Ты еще
любишь меня?

М ай к л. Да.

Р о з. Я хочу сказать — так, как тогда...

М ай к л. Точно так же.

Р о з. Я была не очень хороша, но ведь я стану
лучше.

М ай к л. Не бойся ничего. (*Целует ее.*) У тебя
целая жизнь впереди.

Р о з. Я хочу, чтобы она длилась столько же,
сколько твоя.

М ай к л (*уходя*). Через час.

Р о з. До свидания, родной.

М ай к л уходит.

Роз закрывает чемоданчик. Подходит к окну и пытается выглядеть. Взбирается на стул, чтобы лучше видеть. Входит Т е р е з а, проходит в туалетную комнату. Когда дверь за ней закрывается, входит Э л е н. Видит чемоданчик Роз, останавливается.

Роз оглядывается.

Э л е н. Надеюсь, милая крошка, ты не откры-
ваешь окно?

Р о з (*повинуясь*). Извините, тетя Элен. (*Подходит
к чемоданчику и берет его.*)

Э л е н. Куда ты идешь?

Р о з. Проститься с дядей Джеймсом.

Элен тяжело опускается в кресло.

С вашей стороны было очень дурно сказать мне, что Майкл уехал. Мы с ним едва не разминулись. Я вернусь попрощаться с тетей Терезой. (*Уходит.*)

Элен молча сидит в кресле. Кончиками пальцев смахивает с уголков глаз скучные слезинки. Т е р е з а открывает дверь туалетной комнаты, входит.

Э л е н (*повелительно*). Тереза, она уходит! Нужно ее задержать!

Тереза, не обращая на нее никакого внимания, пытается пересечь комнату.

(*Преграждает ей дорогу.*) Не веди себя так нелепо, Тереза! Хоть теперь не валяй дурака!

Т е р е з а обходит сестру и покидает комнату.
Тереза!..

Спустя две-три секунды Т е р е з а входит снова.

Т е р е з а. Ты звала меня, Элен?

Э л е н. Ты же слышала, что я тебе сказала!..
(*С внезапным сомнением.*) Или не слышала?

Т е р е з а. Я была у Джеймса. Как же я могла слышать?

Э л е н (*яростно*). Ты была здесь! (*Показывая на туалетную комнату.*) И снова делала вид, что тебя никто не замечает.

Т е р е з а. Ах нет, дорогая, тебе показалось.

Э л е н. Ты меня действительно хочешь убедить?!..
Ты себя чувствуешь вполне здоровой?

Тереза. По-моему, да. Ты хотела о чем-то поговорить со мной?

Элен. Присядь, Тереза. Знаешь, когда ты только что проходила, тебя немного шатало. Как десять лет назад, когда доктор сказал...

Тереза (*встревоженно*). Я не помню, что сказал доктор...

Элен. Он сказал, что тебе нужно быть очень, очень осторожной.

Тереза (*почти хнычет*). Я была осторожна, Элен.

Элен. Он сказал...

Тереза (*умоляюще*). Я не хочу слушать. Я не хочу слушать.

Элен. Почитать тебе свою любимицу — «Дочь Иисуса»?¹

Тереза. Но ведь ты читаешь это только, когда я болею. А разве я больна, Элен? На самом деле, больна? (*Садится*.)

Элен (*присела рядом*). Ты не чувствовала слабости, когда проснулась?

Тереза (*начинает дрожать, предчувствуя недоброе*). Может быть... Но очень недолго.

Элен. Болела голова. Да, дорогая?

Тереза. Кажется, нет... Чуточку.

Элен. А сердце?

Тереза. Вроде ничего... Элен, ты же не думаешь...

Элен. Нет, конечно. Но в наши годы нужно

¹ «Дочь Иисуса» — жизнеописание французской монахини Терезы де Лизье, умершей в возрасте двадцати шести лет.

быть очень осторожной. Дорогая моя, тебе лучше лежать в постель.

Тереза. Но я не хочу доставлять лишних хлопот, Элен! Завтра моя очередь готовить. И кто поможет тебе сегодня после ухода Мэри?

Элен. У нас теперь Роз. Она мне и поможет. Она добрая девочка и не оставит нас, если узнает, что мы в беде. Я ее сейчас позову, и мы тебя уложим.

Тереза. Но, Элен, я не выношу свою кровать. Может быть, я просто прилягу здесь?

Элеи (понижая голос). Но ты же помнишь, — мы условились.

Тереза. Я не расслышала, что ты сказала, дорогая.

Элен. Ты сегодня что-то туга на ухо. То слышишь, то не слышишь. Попробуй, сможешь ли ты встать, Тереза.

Тереза. Ну, конечно, смогу. (*С трудом приподнимается и снова валится в кресло.*)

Элен. Ляг в постель, дорогая. Мы с Роз поухаживаем за тобой.

Тереза (умоляюще). Элен, прошу тебя...

Элен. У тебя такая прелестная спальня. Вот что мы сделаем. Я пошлю Мэри в Бернс Оутс, и она купит тебе еще одну иконку, как раз на то пятно на стене, где висел портрет мамы. Хочешь еще одну святую Терезу?

Тереза. Пожалуй, лучше святой Винцент... Но, Элен...

Элен. Через несколько дней ты снова будешь на ногах.

Т е р е з а (*безутешно*). Дней?

Э л е н. Идем, дорогая. Давай посмотрим, сможешь ли ты добраться без посторонней помощи. Попробуй.

Т е р е з а. Смогу. Право же, смогу. (*Осторожно поднимается, делает один шаг.*)

Э л е н. Осторожнее. Обопрись на меня.

Т е р е з а. Нет, нет! (*Пошатнувшись, с испуганным криком падает на стул.*)

Э л е н (*идет к двери*). Роз! Роз! (*В голосе ее нет настоящего испуга.*)

Едва держась на ногах, Тереза делает несколько шагов по направлению к дивану и падает.

(*Оглядывается и, увидев Терезу на полу, испытывает панический страх.*) Тереза! Тереза, дорогая! Отвсюду! Скажи что-нибудь! Тереза! (*Наклоняется, и на мгновение кажется, что она хочет попытаться вытащить сестру за дверь. Потом выбегает на лестничную площадку и голосом, полным неподдельного ужаса, кричит.*) Роз! Роз! Скорее, Роз! Роз, помоги мне! Помоги мне!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Гостиная. Прошло три недели. Ранний вечер.
Т е р е з а сидит в кресле. Ноги ее прикрыты пледом. Рядом, в
своем кресле — Д ж е й м с.

Д ж е й м с (*читает вслух*).

«И вот я направил шаг
В благословенный мрак.
Не видя, невидимый шел я, спеша.
Мир был, как черный потухший очаг,
И только огнем горела душа.

Но это сияние — ярче дня.
Уверенней солнца оно ведет.
Туда, где меня ожидает тот,
Чье присутствие чувствую я.
Единственный, кто ожидает меня.

О ночь, поступившая в поводыри!
О темнота, что милее зари!»
(*Внезапно останавливается.*)

Т е р е з а. Дальше, пожалуйста. Мне это нравится гораздо больше, чем то, что читает Элен. Я не все понимаю, но мне нравится. Она постоянно читает мне святую Терезу. Она называет ее моей любимицей, но в сущности Элен любит ее гораздо больше.

Д ж е й м с. Элен заблуждается. Она полагает, что мы с тобой оба старики, но и сама она также стара. Впрочем, это не со зла.

Т е р е з а. Я в самом деле была недавно при смерти?

Д ж е й м с. Откуда мне знать? По существу, мы все здесь почти при смерти. Кроме Роз.

Т е р е з а. Знаешь, был момент, когда мне не хотелось умирать в своей комнате, где когда-то была детская, где были наши игрушки. Мне захотелось умереть там, где кто-нибудь уже умер, в настоящей спальне.

Д ж е й м с. А почему бы и нет?

Т е р е з а. Нет, это длилось только одну секунду. А потом я страшно испугалась. Так испугалась, как еще никогда в жизни. Элен говорит, что мне первой пришло в голову запереть все спальни. Не могу припомнить, — это правда?

Д ж е й м с. Мне кажется, это было ваше общее желание. Теперь уже не помню. Во всяком случае, откроет их кто-нибудь другой. И очень скоро. Быть может, это сделает Роз.

Т е р е з а. Всех интересует душа, а вот я всегда думаю о привидениях, о мертвцах, которым нет покоя. Элен когда-то мне рассказывала о потерянных душах...

Д ж е й м с (*перебивая ее*). С самого начала не

надо было уступать вам в этом вопросе. Но это выглядело такой пустячной, такой безобидной причудой, что, казалось, не стоило с этим бороться. Нет, конечно, я должен был воспротивиться. От меня было очень мало проку, Тереза. Хочешь, я расскажу тебе один из моих «снов наяву»? Они опять преследуют меня, должно быть, я впадаю в детство. Я мечтаю помочь кому-нибудь в большом горе. Мечтаю сказать нужное слово в нужное время. Когда-то, давным-давно, меня порой охватывало чувство, что я оказал людям настоящую помощь. Это случалось не часто, примерно раз в пять лет, но наполняло жизнь смыслом. А теперь, если и представится случай, я не уверен, найду ли я нужные слова.

Тереза. Я боюсь умирать, Джеймс, боюсь даже думать о смерти. А когда пришла Роз, я, кажется, и ее напугала. Ведь это славный дом, и мы не плохие люди. Почему же вокруг столько страха?

Джеймс. Ее, наверно, напугал твой страх. Твой глупый страх смерти.

Тереза. А это глупый страх, Джеймс?

Джеймс. Тот, кто верует в бога, не должен бояться смерти.

Тереза. А как же ад, Джеймс?

Джеймс. Ну, до него мы не доросли, я рассчитываю на милосердие. Там место великим, самым великим. Я не знаю никого, кто достаточно велик для ада, за исключением сатаны.

Тереза. Мне стало немного лучше, но это только оттого, что я снова здесь, в гостиной. Хорошо, что Элен завесила картинкой пятно на стене в моей комнате. Но все-таки от «Дочери Иисуса» я отказа-

лась. Тебе не приходило в голову, что эта святая так нравится Элен, потому что умерла молодой? Иногда Элен смотрит на Роз так странно, словно думает: «А я переживу даже тебя».

Джеймс. Тебе надо отдохнуть. Почитать еще немного?

Тереза. Почитай.

Джеймс. Ну вот, дальше святой Хуан продолжает говорить о непроглядной ночи души. Мы с тобой этого не испытывали, и нам это немного трудно постичь. Дело в том, что близость к богу иссушает человека, лишает его сил. Все мы держимся от него на довольно почтительном расстоянии. Святой Хуан пытается описать окружившую его черную ночь, где нет любви, нет даже сил для молитвы.

Тереза. Я молюсь. Утром и вечером.

Джеймс. О, я их помню, свои младенческие молитвы, Тереза. «Отче наш»... «Богородица дева, радуйся»... «Покаянную»... Но я и десяти минут не могу предаваться молитве, чтобы не отвлечься, не начать думать о чем-нибудь постороннем. И весь этот мир, столь далекий от меня, — пища для моих размышлений. Когда я был приходским священником, я старался уверить себя, что у меня просто не хватает времени для молитв. Но вот мне было отпущено двадцать ничем не заполненных лет, а я все еще могу только твердить «Отче наш». Да полно! — говорю ли я хоть это?

Тереза. Мне кажется, Джеймс, у тебя самого тоже есть своя черная ночь.

Джеймс. Нет, в такое отчаянье мие никогда не впасть. Я избавлен от изнурительной работы в при-

ходе, достаточно хорошо питаюсь, счастлив с обеими вами. Читаю вам жизнеописания праведников, хоть сам и не очень похож на них... Что у нас сегодня на обед, Тереза?

Тереза. Макароны с сыром. (*Внезапно до нее доходит, что он шутит.*) О, Джеймс!..

Входит Элен.

Элен. Вы не заметили, Мэри вернулась?

Джеймс. Разве она не на кухне?

Элен. Я послала ее с одним поручением.

Джеймс. Что-нибудь купить?

Элен. Не совсем.

Джеймс. Далеко?

Элен (*неопределенно*). Да нет, через парк.

Тереза. Я ее не видела после второго завтрака.

Элен. Она как раз тогда и ушла. Я рассчитывала, что она вернется помыть посуду, но придется, видимо, сделать это самой.

Тереза. А Роз?

Элен. Что ты, дорогая? Неужели ты серьезно полагаешь, что она дома? (*Уходит.*)

Тереза. Что она этим хотела сказать?

Джеймс. Не знаю.

Тереза. Роз была ко мне очень добра во время моей болезни. Порой я просыпалась в испуге, и всегда она дремала рядом, прикорнув в кресле. Помню, когда я была совсем маленькой, еще до рождения Элен, мама зажигала для меня ночник, потому что я была трусихой. Пламя издавало звук, похожий на чье-то спокойное дыхание. Как Роз, когда она спит.

Джеймс. Она добрая девочка.

Тереза. Очень. Только в самом начале она была ужасно резка со мной. Не могу понять почему?

Джеймс. Теперь это не имеет значения.

Тереза. Мне мерещится, что перед самым моим заболеванием Элен сказала что-то относительно ухода Роз. Куда это она хотела уйти? Элен как будто говорила, что Роз хочет бежать от нас. Но зачем ей убегать? Снова этот страх?

Джеймс. Не надо волноваться. Ведь она никуда не ушла.

Тереза. Меня ни во что не посвящают. И очень многого я не в состоянии понять.

Джеймс. И не пробуй. Гораздо лучше просто верить в то, что перед нашими глазами, и ни о чем не допытываться. Предоставь вопросы психологам. Они будут спрашивать: «Это действительно так? Вы в самом деле думаете это или только думаете, что вы думаете?»...

Они не слышат шагов на лестнице.

Мэри (заценой). Но, мисс Роз... Прошу вас...

Роз. Идемте, идемте.

Мэри. Мисс Роз, мне приказали...

Роз. Я знаю, что вам приказали.

Дверь распахивается, Роз вталкивает в комнату Мэри. Роз изменилась с тех пор, как мы ее видели в последний раз. Сейчас она разгневана, но дело даже не в этом. Три недели назад это была опьяненная своей любовью, восторженная, возбужденная девочка. Теперь она выглядит на несколько лет старше и уже не так хороша, как раньше. Эти недели были полны обманутых надежд, поисков решений, рухнувших планов. У нее было достаточно времени для того, чтобы думать. В этом-то, вероятно, и состоит самая большая перемена в ней.

Р о з. Ну, давайте рассказывайте!

М э р и. Но, мисс Роз...

Р о з. Ах, здесь нет вашей хозяйки? (*Подходит к двери, зовет.*) Тетя Элен! Тетя Элен!

Т е р е з а. Она на кухне, Роз.

Р о з. Она сейчас поднимется. Ее сыщик уже вернулся.

М э р и. Прошу вас, мисс Роз...

Р о з. Это ваша общая затея?

Д ж е й м с. Мы даже не знаем, какая затея.

Р о з. Простите. Я должна была догадаться, — это ее работа. Она меня ненавидит.

Д ж е й м с. Глупости!

Р о з. Да, ненавидит. И я знаю — почему. Любовь — нормальное состояние человека. Любить — это значит появиться на свет, расти, стать взрослым, иметь детей, умереть. А она все это ненавидит. Она хочет воздвигнуть стену из запертых комнат и отгородиться ею от любви, от жизни, от смерти. Отсиживаться здесь, в этой комната для живых. Здесь никто никогда не умрет: перпетуумobile. Здесь никто никогда не родится: это рискованно. Мне позволено располагаться здесь на ночь, потому что я молода и опасности нет. Но мужчине вход сюда воспрещен; упаси бог, если он встретится со мной, — ведь в таком случае жизнь грозит сдвинуться с места. Мы способны заниматься любовью, а это означает становиться старше, подвергаться риску — в этом вашем паноптикуме образца 1902 года.

При последних словах входит Э л е н.

Элен. Что ты говоришь относительно 1902 года, милая кро... (Замечает Мэри.) Мэри, что вы тут делаете?

Роз. Я ее прихватила с собой. Мне тоже хочется выслушать ее донесение.

Элен. Какое донесение, дорогая?

Роз. Как какое? Донесение о каждом моем шаге. О том, как в без четверти три я прибыла в Ригел-Корт и в четверть шестого оттуда ушла. О том, что больше никого она не опознала, потому что он пришел раньше, чем я.

Элен. Мэри, вам лучше уйти.

Роз. Я хочу выслушать ее отчет.

Элен. Мэри, уходите.

Мэри уходит. Пауза.

Не могу сообразить, о чём ты говоришь.

Роз. Прекрасно соображаете. От меня вы узнаете подробности, которые неизвестны Мэри. Майкл пришёл туда в половине третьего, до того, как явилась я с провожатой. Я зашла туда в три и снова оделась в пять; этого Мэри не могла вам, по-моему, сообщить. И мы с ним лежали в постели, да!.. И встречались мы по три-четыре раза в неделю все это время, с того самого дня, как вы задержали меня здесь... для моего же блага. (С горечью.) Вы так молили о помощи... Вы бы прекрасно обошлись без меня, если бы не занимали Мэри подобными делами.

Джеймс. Это правда, Элен?

Элен. Да, в известном смысле правда. У меня были подозрения, и я хотела выяснить, где это она

пропадает по нескольку часов чуть ли не каждый день.

Джеймс. Зачем?

Тереза тихонько плачет.

Элен. Перестань хныкать, Тереза.

Джеймс. Я повторяю, — зачем?

Элен. Мы отвечаем за нее. Выяснить это все было моей обязанностью. Ты настолько слаб, что свел их вместе. Она ведь заявила, что уходит с ним. А это смертный грех.

Джеймс. Ты в этом уверена?

Элен. Разумеется, потому что он женат.

Джеймс. Ты думаешь, что, столкнувшись с грехом, узнаешь его? В таком случае ты более мудра, чем вся Церковь.

Элен. Найди в себе хоть каплю здравого смысла, Джеймс.

Джеймс. Постараюсь, если у тебя найдется хоть капля милосердия.

Элен. Джеймс, ты глупец.

Джеймс. Я вижу то, что видят мои глаза. Большего бог с меня не требует.

Элен. Ты слышал, как она бахвалилась? Они бы теперь изо дня в день жили вместе, если бы я не воспрепятствовала им.

Джеймс. Что значит воспрепятствовала?

Роз. Да, мы жили бы вместе. Да, мы были бы любовниками. Вы столько твердите о смертном грехе, почему же вы не дали мне уйти? Разве так лучше? Встречи в Ригел-Корте. — это лучше?

Элен. Да, это лучше. Это ускорит конец.

Роз. Ну еще бы!.. Для вас ведь это доброе действие — уничтожить любовь.

Элен. Такую любовь — да.

Роз. Какая разница между такой любовью и какой-нибудь другой? Разве я бы его иначе любила, если бы он не был женат? (*Сама себе отвечает чуть тише.*) Было бы только больше счастья.

Джеймс (*выждав удобную минуту*). Ты сказала, что воспрепятствовала им?

Элен. Да. И я не стыжусь этого. Я удержала ее в лоне Церкви. Теперь она в любое время может идти к исповеди.

Роз. И после исповеди продолжать все то же, а затем — снова к исповеди... И вы считаете, что это лучше, чем иметь семью, детей и жить, не расставаясь до самой смерти?..

Элен. Жить в смертном грехе.

Роз. У бога больше здравого смысла. И милосердия.

Элен. А чересчур полагаться на милосердие божие — это еще одно прегрешение.

Роз. Как же, знаю, это называется презумпция. Монахини обучили меня этому.

Джеймс (*к Элен*). Что ты имела в виду, когда сказала, что воспрепятствовала им?

Элен. Тереза не была больна.

Роз. Как не была? Она ведь лежала без сознания на полу...

Элен. Я сказала Тerezе, что она захворала. Она поверила.

Роз (*отворачиваясь*). О!..

Продолжительное молчание.

Элен (*защищаясь*). Я должна была действовать немедленно, Джеймс.

Джеймс. Не будь ты так глупа, я решил бы, что ты очень зла. Очень.

Тереза. Я не могу понять, о чем вы говорите.

Джеймс (*к Элен, с горечью*). Может быть, ты ей это объяснишь? Мне — не удастся. Тереза, дорогая, иди с Элен в свою комнату. Тебе нужно отдохнуть, ляг в постель.

Тереза. Ты стараешься отделаться от меня, Джеймс?

Джеймс. Да, дорогая, стараюсь. Забери мою книгу. Я хочу поговорить с Роз наедине.

Тереза (*направляется к выходу. Остановилась около двери*). А ты не идешь, Элен?

Элен (*Джеймсу*). Я тебе не доверяю. Я остаюсь.

Джеймс. Будь по-твоему. Роз, проводи ты Терезу.

Роз берет Терезу под руку, ведет ее за дверь.

Тереза (*уходя, голосом умоляющего ребенка*). Ты придешь сказать мне спокойной ночи, Джеймс?

Джеймс. Сейчас еще рано. Я буду у тебя перед обедом. А вечером почитаю тебе, чтобы ты лучше заснула.

Роз и Тереза уходят.

(*К Элен*.) Ты могла убить Терезу.

Элен. Я только сказала, что она неважно выглядит. Я не намеревалась...

Джеймс. Ты достаточно ясно сказала нам о своих намерениях.

Элен. Лучше бы её никогда здесь не появляться!

Джеймс. О да, это было бы лучше. Ей здесь очень плохо.

Элен. Здесь? Мы тут ни при чем. Это он, этот безнравственный человек.

Джеймс. Дело не в нем. Виной всему наша мертвая добродетель. Все эти жития святых, благочестивые картинки, пожертвования Обществу алтаря... Подумай, — может быть, войди она в дом, в котором была бы любовь, ее бы не так терзали сомнения, она бы делилась с нами...

Элен. Почему же она этого не делала?

Джеймс. Потому что в нашем доме страх, а не любовь. Что мы можем дать ей взамен, если уж требовать от нее жертвы? Набор прописных религиозных истин.

Элен. Говори за себя, Джеймс.

Джеймс. Я так и делаю. Сидячая добродетель, изрекающая набожные сентенции и неуклонно идущая на ущерб.

Элен. Он ее соблазнил.

Джеймс. Глупое выражение, но даже если бы это и было так?

Входит Роз.

Роз (*вызывающе*). Ну?

Джеймс (*к Элен*). Тебе следует извиниться перед ней.

Элен. Извиниться?

Джеймс (*к Роз*). Элен не имела права выселять тебя.

Элен. Она на нашем попечении. Она лгала нам.

Роз. Вы лгали мне.

Э л е н. Бывает ложь — и ложь.

Д ж е й м с. Хватит. Прости мне, боже, но ты мнё
надоела, Элен. Выйди, пожалуйста.

Э л е н. Я предпочитаю остаться здесь.

Д ж е й м с. Я твой брат, но, кроме того, еще и
священник. Я попросил тебя уйти.

Э л е н (*направилась к двери, но обернулась, бро-
сая ему еще одно оскорбление*). Церковь удачно
избавилась от такого никчёмного служителя, как ты,
Джеймс. (*Выходит и закрывает за собой дверь.*)

Молчание.

Р о з (*с вызовом*). Вы понимаете, что это озна-
чает?

Ответа нет.

Раз тетя Тереза здорова, я свободна. Я могу уйти
с ним. Мы по-прежнему стремимся к этому.

Д ж е й м с. По-прежнему?

Р о з. Мы не наскучили друг другу, если вы это
имеете в виду. (*С вызовом*.) Мы еще больше любим...
Мы теперь как следует узнали друг друга.

Д ж е й м с. Очень рад, что часы, проведенные в
Ригел-Корте, принесли такую пользу.

Р о з (*дрогнувшим голосом*). Не смейтесь надо
мной. Пожалуйста, не смейтесь надо мной.

Д ж е й м с. Мне не до смеха.

Р о з. Дядя, это вовсе не так уж замечательно.
Это грустно, грустно. (*Садится на пол возле его
кресла*.) Я устала. Я не знаю, что мне делать.

Д ж е й м с. Ну, а как он?

Р о з. Мы все можем перенести, когда мы вместе.
В половине третьего — мы счастливы; мы еще счаст-

ливы и в три часа. Потом мы иногда ненадолго засыпаем. Еще не так плохо и в четыре. Но затем мы слышим, как часы отбивают четверть пятого, и нас начинает охватывать тоска... Ежедневно, в четверть пятого. Мы ведем себя ужасно благоразумно, когда время подходит к пяти. Там на камине стоят противные позолоченные французские часы. Я их когда-нибудь разобью, честное слово!.. Нехорошо, что я вам все это рассказываю?

Джеймс. Продолжай. Священнику редко удается услышать живую человеческую речь. Обычно нам все излагают мертвыми формулами.

Роз. «Со времени последней исповеди, три недели назад, я прелюбодействовала двадцать семь раз», — тетя Элен хочет, чтобы я отвечала именно так. Но не в этом же суть, отец! Ведь считается, что через вас мы общаемся с богом, а ему все известно — и насчет часов на камине. Я не хочу исповедоваться. Я хочу сказать: «Господи, даруй нам больше любви! Дай нам жить вместе! Не допусти, чтобы это был только Ригел-Корт, снова и снова Ригел-Корт...». Вы понимаете?

Джеймс. Только то, что в силах понять.

Роз. Что нам делать?

Джеймс. Дитя мое...

Роз (*перебивая*). Я не спрашиваю вас, как священника. Это тот ответ я знаю. Но я не могу поверить тете Элен, что Ригел-Корт и расставания по три раза в неделю угоднее Богу, чем другое.

Джеймс. Что другое?

Роз. Спокойствие. Семья. Дети. Без всякой церкви.

Джеймс. Ты не была бы счастливая.

Роз. О нет, была бы! Не заблуждайтесь, отец. Без причастия я проживу: это не заставит меня страдать. Но жить без него...

Джеймс. Люди преодолевают боль разлуки. Проходит время...

Роз. Да, но через что надо пройти! Видеть сны о том, что мы вместе, и просыпаться в одиночестве, и снова считать часы, оставшиеся до сна.

Джеймс (*с грустным удивлением*). Как ты повзрослела за эти три недели!

Роз. Неужели вы думаете, что я смогу по-настоящему любить бога, если лишусь Майкла? Бога, который прежде, чем утешить, заставляет так страдать!

Джеймс. Ты слишком упрощаешь.

Роз. Да ведь сама ситуация очень проста! Ничего сложного, отец: обыкновенная любовная связь. Самая банальная вещь.

Джеймс. Беда в том, что ты мало доверяешь богу. Он бы тебе все облегчил, если бы ты слепо вручила себя ему.

Роз (*лицо ее каменеет. Ее не удается убедить*). Да? Обычно он этого не делает, — стоит только взглянуть вокруг. По-видимому, ему нужны герои, а я не герой. Я трус. Мне не вынести слишком много горя. И таких, как я, очень много, отец. Ведь, изменяя богу, я не поступаю хуже, чем Петр¹, правда? Бог умер также и ради трусов.

Внизу звонят.

¹ Петр — один из двенадцати апостолов, учеников Христа, — изменивший ему.

Джеймс. Бог превратил их в героев. Даже Петра.

Роз. Ах, отец, все мы знаем о праведниках господних! Но нам ничего не говорят о его отступниках. Счастливых отступниках. Тех, кто не очень-то о нем думает и тем не менее продолжает жить спокойно.

Джеймс. Нужно и это заслужить — быть отступником.

Роз. А я и пробовать не хочу, дядя! Я трус. Мне нужно просто немного обыкновенного человеческого покоя. Не по рецепту: «люби бога, надейся на бога, со временем все будет хорошо...». Дядя, прошу вас, скажите мне что-нибудь не церковное!

Поспешно входит Элен.

Элен. Тебя спрашивают, Роз.

Джеймс. Кто?

Элен. Миссис Деннис.

Джеймс. Что ей нужно? (*С подозрением.*) Как она попала сюда?

Элен (*с оттенком тайного торжества*). Я же сказала, она хочет видеть Роз.

Роз отворачивается с жестом ужаса. Пауза.

Джеймс. Опять дело твоих рук, Элен? Скажи, что Роз больна, что ее нет дома. Скажи что угодно, только избавься от нее.

Элен. Она имеет право...

Джеймс. Девочка достаточно вынесла.

Элен (*с презрением*). Девочка?

Джеймс. Да, девочка.

Роз (*круто поворачивается к ним*). Я же здесь, не так ли? Чего же вы ждете? Пусть она войдет. (*Подходит к двери и распахивает ее*.)

Элен быстро выходит, слышно, как она велит Мэри проводить миссис Деннис наверх.

Джеймс (*ему не хочется покинуть Роз*). У тебя хватит сил?

Роз. Хватило же у меня сил все эти три недели выносить мысль о ней.

Джеймс (*останавливает свое кресло у двери. Медлит*.) Кликни меня, если я тебе понадоблюсь. Я буду в своей комнате.

Роз упорно не отвечает, и Джеймс покидает комнату. Роз стоит лицом к двери. Мэри пропускает в комнату миссис Деннис и спешно закрывает за ней дверь. Миссис Деннис около сорока пяти лет. Волосы ее преждевременно поседели; на ее напряженном, нервном лице — выражение решимости. Она с беспокойством оглядывается, удивленная необычностью комнаты.

Миссис Деннис. Майкл здесь?

Роз. Нет. А вы рассчитывали застать его?

Миссис Деннис. Он сказал, что у него лекция, но теперь я ни в чем не бываю уверена. Вы Роз, да?

Роз. Вы его жена, да?

Миссис Деннис. Я читала одно из ваших писем. Оно выпало из кармана его халата.

Роз. Вот как?

Миссис Деннис. Майкл всегда небрежно хранит письма.

Роз. Вы пришли сообщить именно об этом? Стоило ли карабкаться на четвертый этаж?

Миссис Денис (*ядовито*). Ваше послание так трогательно. Но вы слишком доверяете ему.

Роз. Да, доверяю.

Миссис Денис. Знаете, не стоит... хотя, конечно, вы не можете этого знать, он не стал бы вас посвящать... Но с его студентками всегда были какие-то осложнения. Вероятно, от совместного чтения Фрейда. Через три года после свадьбы, когда умер наш ребенок, я даже хотела с ним развестись.

Роз. Почему же вы этого не сделали?

Миссис Денис (*яростно*). Потому что со мной ему лучше! Со мной ему всегда будет лучше! Я прошу ему все. А вы?

Роз. Нет. Потому что люблю его. Я бы не хотела связывать его своим всепрощением. Ни на одну минуту не стала бы удерживать, если бы он пожелал уйти.

Миссис Денис. Ему это только кажется. Он только думает это.

Роз. Он имеет право думать. Имеет право даже ошибаться.

Миссис Денис. Если бы Майкл действительно вас любил, он бы меня бросил.

Роз. Он и собирался это сделать. Три недели назад.

Миссис Денис. Но он все еще со мной.

Роз. Потому что я не смогла уйти.

Миссис Денис. Почему?

Роз. Меня удержали тем же способом, что и его. Жалостью. (*Беспощадно*.) Он жалеет вас.

Миссис Денис (*мстительно*). Прошлой ночью это не очень-то походило на жалость.

Роз (*с криком боли*). Я вам не верю!

Миссис Денис. Если я готова разделить его с вами, то какое же...

Роз. Вы лжете! Знаете, что лжете! Зачем вы сюда пришли? Вы соглаши, чтобы просто сделать мне больно. Это подло, безнравственно!

Миссис Денис. Безнравственно? От вас это слово странно слышать. Я — его жена.

Роз. И оставайтесь ею! Я хочу быть только его любовницей.

Миссис Денис, внезапно обессилен, падает в кресло и начинает плакать.

(*Какое-то мгновение только наблюдает, но она не может оставаться безучастной.*) Простите! (*С жестом отчаяния.*) Как все это сложно!

Миссис Денис. Пожалуйста, не отнимайте его у меня.

Роз. Что я могу сделать? Я его люблю. Я страшно его люблю.

Миссис Денис. Но я тоже люблю его. Я хочу, чтобы он только оставался около меня. Это не причинит вам боли.

Роз (*с горечью*). Не причинит?

Миссис Денис. Я сказала неправду. Мы уже давно не были близки... по-настоящему.

Роз. О, любовь не только в этом. Иногда я этим готова пожертвовать ради того, чтобы просто быть вместе. Открывать дверь одним ключом. Вместе обедать. Тихонько сидеть рядом и читать книгу...

Миссис Денис (истерически). Когда вы уходите? Ведь вы решили уйти! Не терзайте меня, скажите!

Роз. Не знаю.

Миссис Денис. Вы молоды. Вы можете еще встретить сколько угодно мужчин. Прошу вас, оставьте его! (*Отчеканивая слова.*) Я не могу жить без него!

Роз наблюдает, как нарастает истерический приступ. Она поймана в ловушку, ей страшно.

Я умру, если он меня бросит! Я покончу с собой.

Роз. Нет-нет, вы этого не сделаете.

Миссис Денис. Сделаю... Знаю, о чем вы подумали. «Если это случится, я смогу выйти за него замуж...».

Роз. Прошу вас...

Миссис Денис. Уйдите от него, умоляю вас. Скройтесь, чтобы он не мог вас разыскать. Вы молоды, вы это легко перенесете.

Роз. Но я не хочу переносить это!

Миссис Денис. Я больна. Разве вы не можете повременить! Подождите только полгода и увидите... Полгода — это так недолго. (*Почти кричит.*) Вы не имеете права так меня мучить! (*Встает, идет к Роз.*) Не имеете права! (*Внезапно бьет Роз по лицу, но сразу же после этого падает на колени и начинает стучать кулаками по столу.*) Вы доведете меня! Доведете! Я хочу умереть! Хочу умереть! Хочу умереть! (*Колотит по столу.*)

Роз беспомощно стоит над ней, не зная, что делать. Он тоже хочет моей смерти! Вы все этого хотите!

Роз. Нет, нет! (*Со стоном отчаяния.*) Мы хотим только счастья!

Миссис Деннис. Если он оставит меня, я сойду с ума. (*Неуклюже поднимается на ноги. Припадок кончился. Снова усаживается на стул.*) Дайте мне, пожалуйста, воды.

Роз идет к двери туалетной комнаты. Когда она входит туда, миссис Деннис поспешно встает, берет свою сумочку, которую она оставила на столе, вынимает из нее склянку и отвинчивает пробку. Появляется Роз, миссис Деннис зажимает склянку в руке.

(*Берет стакан воды.*) Не выключите ли вы этот свет, дорогая, он такой яркий.

Роз идет к выключателю. Миссис Деннис начинает высыпать себе на ладонь таблетки. Высыпает их медленно, чтобы это увидела Роз. Обернувшись и заметив, что она делает, Роз побегает, вырывает пузырек и отбрасывает его в угол.

(*Истерически.*) Зачем вы это сделали? Все равно, я могу достать другие!

Роз. Доставайте! Вы просто шантажируете меня.

На лестнице — звук быстро приближающихся шагов.

(*Бежит к двери.*) Майкл, ради бога!

Входит Майкл.

Майкл...

Майкл (*бросив взгляд на жену*). Мне сказали, что она здесь.

Роз (*в изнеможении*). Она пыталась покончить с собой.

Майкл. Глупости. Старый прием. (*Жене.*)

Ты же обещала, что больше не будешь. Как тебе не стыдно, дорогая.

Миссис Денис. Не называй меня дорогой!

Майкл. Я называю тебя так, потому что ты дорога мне.

Роз смотрит на них. Она измучена, ошеломлена. Она еще недостаточно взрослая, чтобы понять: любят — по-разному.

Миссис Денис. Но ведь ты собираешься бросить меня?

Майкл. Да.

Миссис Денис. Ну, вот ты это и сказал... сказал. До сих пор ты этого мне ни разу не говорил.

Майкл. Я просто не мог решиться. И этим только все ухудшил. Я считаюсь специалистом по движениям человеческой души, но, когда нужно действовать, веду себя не лучше других.

Миссис Денис. Майкл, она слишком молода для тебя.

Майкл (*с болью*). Я ее уже состарил.

Миссис Денис. Что будет со мной, Майкл? У меня даже нет ребенка.

Майкл. Все будет хорошо. У тебя есть друзья. Пройдет немного времени, и... (*чувствуя свою вину, он почти оправдывается перед ней*) ...и мы сможем даже встречаться.

Роз резко отворачивается. Она больше не в состоянии видеть их вместе.

Миссис Денис. Если ты уйдешь, ты меня уже никогда не увидишь. Ты не будешь знать, где я, что со мной... Не будешь знать, больна я или здорово

ва. Я не допущу, чтобы ты приходил ко мне и видел мои слезы.

Майкл. Но я хочу, чтобы ты, наконец, стала счастлива. У нас ведь с тобой не было счастья. Задолго до того, как я встретил Роз...

Миссис Деннис. Сколько ты говоришь о счастье! Да, я не была счастлива. И что ж, ты полагаешь, без тебя я стану счастливее? Но ведь не только в счастье дело. Часто ли тебе приходилось сталкиваться с кем-нибудь счастливым, на твоих лекциях? Я не хочу быть одинокой, Майкл! Я боюсь одиночества. Ради бога, Майкл!.. Я забыла,— ты ведь не веришь в бога. Зато он верит.

Роз (*не в силах этого вынести, снова поворачивается к нему и бросается в бой*). Погодите! Пожалуйста, погодите. Вы оба все осложняете.

Майкл и миссис Деннис оборачиваются и смотрят на Роз.
Сейчас она кажется здесь посторонней.

(*Переводя взгляд с одного на другую*.) Мы любим друг друга, миссис Деннис. Вот так, это очень просто. Это случается ежедневно, вы ведь читаете газеты. Не все так благоразумны, как вы,— каждый месяц бывают сотни разводов.

Майкл. Каждый месяц — сотни несчастных.

Роз. Но, дорогой мой, ты-то не собираешься быть несчастным? Ты же не останешься с ней. Ты хочешь жить со мной. А мы с тобой будем счастливы.

Миссис Деннис. Видишь, он не страдает.

Майкл (*поворнувшись к ней, гневно*). Она об этом не кричит во всеуслышанье, вот и все! Она не делает из этого оружие. (*Тише.*) Прости, я тоже кричу. У всех нас так издергались нервы,

Миссис Денис. Тебе больше не придется нервничать. (Встает.) Ступай домой. (Поправляет себя.) Я имею в виду твой бы вший дом. Можешь укладывать вещи, меня там не будет. Я не вернусь, пока ты не уйдешь. (Идет к двери.) Можете ночевать там сегодня. Меня там не будет. (Уходит.)

Роз протягивает Майклу руку, но тот этого не замечает: он смотрит на дверь.

Майкл (про себя). Бог знает, что она способна сделать. (Выходит из комнаты, и слышно, как он зовет ее сверху, — впервые мы слышим ее имя.) Мэрион! Мэрион!

Роз слушает со все еще протянутой рукой. Затем ее рука сильно падает.

(За дверью.) Мэрион! (Медленно возвращается в комнату. Обращаясь скорее к себе, чем к Роз, чтобы подбодрить себя.) Ничего она не сделает. Люди, грозящие самоубийством, себя не убивают.

Пауза.

А?..

Роз. Конечно. Ну, а что мы намерены делать, Майкл?

Он не слышит ее. Его взгляд прикован к двери.

Майкл!.. Майкл...

Майкл. Да?

Роз. Что мы намерены делать?

Майкл (с безнадежной горечью). Мы? Мы? Мы намерены быть счастливы.

Роз. И ты тоже?

Майкл. Конечно, и я... тоже. Мы оба сумеем превозмочь это. (*Все с тем же горьким упреком самому себе.*) Ведь так легко превозмогать чужую боль. Я знаю это лучше других. Мне это положено по профессии.

Роз. Это потому, что ты сказал ей о нашем уходе?

Майкл. А я сказал ей?.. Ах да, она вывела меня из себя.

Роз. Разве ты не собираешься уходить?

Майкл. Разумеется, собираюсь. Как только твоей тетке станет лучше. Мы ведь давно условились.

Роз. Ей уже лучше. Я свободна.

Майкл (*медленно*). Тогда... ну тогда, конечно... мы можем уйти.

Роз. Когда? Сейчас, завтра?

Майкл (*чуть-чуть колеблется*). Послезавтра. Видишь ли, я должен выяснить, что с ней.

Роз. Мне не хочется, чтобы ты ее так любил!

Майкл. Не ревнуй, дорогая моя. Не надо.

Роз. Я и не ревную. Просто я не могу видеть, как ты страдаешь.

Майкл. Все уладится... послезавтра. (*Целует ее, направляется к выходу.*)

Роз (*взволнованная, не зная что сказать, тоном школьницы*). А *bientôt!*¹

Майкл (*его не оставляет мысль о женз*). Куда бы она могла пойти? У нее не так много друзей. (*Уходит.*)

¹ До скорого свидания! (*Франц.*).

Роз при его последних словах закрывает рот рукой. Услышав, как он спускается по лестнице, она беспомощно садится. Рука ее все еще зажимает рот, как бы удерживая рыдания. Звук голоса Элен и скрип колес кресла поднимают ее на ноги
Элен ввозит брата.

Элен. Ну, когда же ты уходишь?

Роз. Послезавтра. (*Ответ звучит так, словно она сама не очень верит в это.*)

Элен (брату). Не забудь, ты обещал почтить Терезе.

Джеймс. Помню. Но вот ты кое-что позабыла.

После минутного колебания Элен подходит к Роз и целует ее в щеку.

Элен уходит.

Роз дотрагивается рукой до щеки, словно все еще ощущая чье-то прикосновение. Долгая пауза.

Я ничем не могу помочь?

Роз (почти про себя). Я говорила ему, чтобы он не заставлял меня думать. Я предупреждала его.

Джеймс молча сгорбился в своем кресле.

Если бы мы ушли тогда, мы были бы счастливы. Я не думаю, пока меня не заставят. Не могу же я думать о людях, которых не знаю. Она была просто именем, не больше. А потом она пришла сюда, и била кулаками по столу, и плакала... И я видела их вместе. Они супруги, дядя! Я никогда не понимала, что они супруги. О, конечно, он говорил мне об этом, но сама-то я их не видела! Это было вроде как в книге. А теперь я видела их вместе. Я видела, как он касается ее руки. Дядя, милый, что мне де-

лать? (Падает на пол возле него.) Скажите, что мне делать, отец?

Джеймс. Ты зажимаешь мне рот этим словом: «отец». Ты заставляешь меня быть жестоким.

Роз. Я хочу только, чтобы кто-нибудь сказал: «Сделай это, сделай то». Я хочу только, чтобы кто-нибудь сказал: «Пойди сюда, пойди туда». Я не хочу больше думать.

Джеймс. А если я скажу: «Оставь его»?

Роз. Этой пытки я не смогу вынести.

Джеймс. Если ты так слаба, то лучше уходи с ним.

Роз. Но ее мук я тоже не смогу вынести.

Джеймс. Какой ты ребенок! Ты хочешь слишком многого. В подобных случаях остается только выбирать между собственными и чужими страданиями. Кто-то должен страдать.

Роз. Но есть же счастливые люди! Люди часто расстаются, уходят друг от друга и все-таки счастливы. Я читала об этом.

Джеймс. Я тоже читал об этом. Волшебные сказки, заканчивающиеся словами: «И с тех пор жили они счастливо до конца дней своих».

Роз. Но ведь это все-таки возможно!

Джеймс. Возможно... для тупиц. Дорогая моя, оба вы не глупы. Он занимается анализом человеческих побуждений, и его собственный эгоизм известен ему точно так же, как тебе — твоя вина. Психолог и католичка, вы не сможете обманывать себя более двух часов в сутки, в Ригел-Корте.

Роз. Я смогу. Я смогу.

Джеймс. Придется обманывать себя всю

жизнь. Тебе не скоро удастся позабыть эту жалкую истеричку. Она имеет право нуждаться в нем.

Роз (крик боли). О!..

Открывается дверь, входит Тереза. Она в халате. Роз, заjmая рот рукой, следит за ней взглядом. Тереза, не обращая на них внимания, проходит в туалетную комнату. Когда дверь за ней закрывается, Роз с рыданием опускает голову на колени Джеймса. Он пытается ее утешить, гладит ее волосы.

(Поднимая голову.) Это ужасно! Ужасно! Ужасно!

Джеймс. Я надеялся, что ты будешь продолжать считать это забавным.

Роз. Я больше не могу жить с ними! Вот так. В комнате, где никто никогда не умер. Дядя, пожалуйста, велите мне уйти, скажите, что у меня есть право уйти. Не говорите мне о религии. Помогите мне! Прошу вас, помогите мне!

Джеймс. Я хочу помочь тебе. Я хочу принести пользу. Я хотел бы кому-нибудь помочь, даже если бы на этом оборвалась моя жизнь. Но стоит мне заговорить, как язык мой немеет под грузом грошового катехизиса.

Роз. Значит, вы не можете подать мне никакой надежды?

Джеймс. Ах, надежды! Это дело другое. Надежда всегда есть.

Роз. На что?

Джеймс. Что ты переборешь себя. Забудешь его.

Роз вскакивает и отшатывается от него.

(С трудом подыскивает слова, но не может найти ничего, кроме общих фраз.) Надо ходить в церковь.

Тебе станет легче... Возьми четки, у тебя есть четки?
Дева Мария... прибегни к ней... молись...

Роз (*с ненавистью и презрением*). Молиться?!

Джеймс. Роз... прошу тебя... (*Испуган тем, что она может сказать, и мучительно ищет нужные слова, но они все еще ускользают от него.*) Подожди... только немного подожди...

Роз. Вы сказали, что если я уйду с ним, он всю жизнь будет несчастен. А если я останусь здесь, у меня не будет ничего, кроме этой уборной и этой.., этой гостиной, этой вашей комнаты для живых. И вы еще уверяете, что есть надежда и я могу молиться! Кому? Не говорите мне о боге и всех его святых. Я не верю в вашего бога, который лишил вас ног и хочет лишить меня Майкла! Я не верю в вашу церковь и в вашу пресвятую деву! Не верю! Не верю!

Джеймс протягивает к ней руку, но она уклоняется.

Для бога было бы лучше, если бы я не чувствовала себя такой одинокой!

Входит Элен. Она холодно наблюдает за этой сценой.

Элен. Скоро пора обедать. Тебя звала Тереза, а я пока накрою здесь стол.

Джеймс. Нельзя ли сегодня пообедать в другой комнате?

Элен. Ты прекрасно знаешь, что другой комнаты нет. (*Подходит к креслу и везет его к двери.*)

Он больше не сопротивляется. Он чувствует себя старым и разбитым.

(К Роз.) Накрывай на стол. Я сейчас вернусь и помогу тебе.

Элен увозит Джеймса.

Роз (одна). Не верю. Не верю. (Машинально бродит по комнате. Заметила склянку, опускается на колени и поднимает ее. Потом в безнадежном отчаянии идет к двери туалетной и зовет.) Тетя Тереза! Милая тетя Тереза!..

Дверь туалетной комнаты открывается, и выходит Тереза. Как всегда, не обращая внимания на Роз, пересекает комнату.

Тетя Тереза, прошу вас...

На мгновение кажется, что старый, одурманенный рассудок внял этому зову. Тереза полуобернулась к Роз, затем спора идет к двери.

Ради бога, поговорите со мной, тетя Тереза! Это я, Роз...

Тереза выходит и закрывает за собой дверь.

(В отчаянии опускается на площадку возле двери туалетной.) Неужели никто не поможет мне? (Начинает вытряхивать таблетки из склянки. Когда они все у нее в руке, она делает попытку молиться, но не может вспомнить слов.) Отче наш, иже еси... иже еси... (Внезапно начинает молиться по-детски, совсем машинально, не думая о том, что произносит, и глядя на таблетки, которые лежат на ее ладони.) Боженька милый, спаси и помилуй маму, и няню, и сестрицу Марию-Луизу и, пожалуйста, сделай так, чтоб больше не было уроков...

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Гостиная. Следующее утро.

На полу свалены постельные принадлежности. Джеймс сидит в своем кресле. Майкл смотрит в окно. Мэри тащит к двери большое кресло.

Мэри (*остановившись*). «Мисс Элен,— сказала я ей,— пора, наконец, чтобы вы разрешили поставить вещи там, где они должны стоять». «Мэри,— ответила она,— вам платят почасово за вашу работу, а не за советы».

Джеймс. Попросить, чтобы вам помогли?

Мэри. Не стоит, сэр. Пусть каждый занимается своим делом, меньше вреда будет. (*Подтаскивает кресло почти к самой двери и снова оборачивается. Джеймсу.*) Мне нужно было вовремя ответить: «Мисс Элен, мне платят за работу только по дому»,— прежде, чем я взялась выслеживать бедную девочку.

Джеймс. Сегодня мы все вспоминаем, как много нам нужно было сделать.

Мэри. Я и позабыла про белье. (*Кладет белье на кресло.*) Столько места пропадает зря. Как вы думаете, позволят держать здесь пустые сундуки?.. И где будете кушать? Просто позор, что в таком большом доме не будет ни одной общей комнаты.

Входит Элен.

Элен. Вы очень долго возитесь, Мэри.

Майкл отодвинулся от окна.

(*Заметив Майкла.*) Я не знала, что вы здесь, мистер Денис.

Мэри уходит.

Майкл. Я пришел навестить ее. У вас не хватило милосердия даже на то, чтобы сообщить мне, что она умерла.

Элен. Но вы же не член нашей семьи. (*Берет один из стульев.*)

Майкл. Для человека, который так боится смерти, вы натворили слишком много зла.

Элен (*демонстративно не обращая внимания*). Джеймс, если мы используем спальню Терезы одновременно и в качестве нашей общей комнаты — она ведь достаточно просторна,— тебя не нужно будет переселять.

Джеймс. Сегодня меня не интересует, где я буду спать.

Элен. Напрасно, жизнь должна продолжаться.

Майкл. Роз была молода, но ей пришлось решить иначе.

Элен (*снова поставила стул*). А почему вы обвиняете меня? Если кто-нибудь виноват, то это вы. (*Майклу.*) Это вы убили ее всеми этими встречами в Ригел-Корте. Вы умертвили ее совесть, вот в результате она... сделала это.

Майкл (*обвиняя*). Если бы вы не привели сюда мою жену, не было бы этого проклятого снотворного!

Джеймс. Было бы окно, поезд, мост... Что толку, если мы и найдем виновного? (*Майклу.*) А что касается вас, то вы ведь, кажется, вообще не верите в виновность как таковую.

Элен. А что касается меня, то я знаю кое-кого виноватого.

Майкл (*взрываясь*). Вам ли не знать! Загляните в вашу черную, исковерканную душу!..

Джеймс. Мне казалось, будто Фрейд утверждает, что такого понятия, как виновность, вообще не существует.

Майкл. Ни слова больше о психологии сегодня, ради бога! Ей психология не помогла, нет. Все эти книги, лекции, анализы снов... Как много... как дьявольски много,— не правда ли? — знал я о том, что творится в человеческой душе... (*Отворачиваясь.*) Она лежала вот здесь... на полу.

Джеймс. И сердца наши свидетельствуют, что мы виноваты.

Майкл. Да. Виноваты.

Элен. Я — нисколько.

Майкл. Тогда почему же вы не хотите спать в этой комнате? Вы невинны? Значит, все в порядке. Чего же вы тогда боитесь?

Джеймс. В самом деле, чего тебе бояться, Элен?

Элен (*испуганно*). Ты же знаешь, мы условились...

Джеймс. О чём условились?

Элен. Нельзя пугать Терезу. Она так потрясена. Она слишком стара, не надо ей противоречить. Я вовсе не боюсь, но Тереза...

Джеймс. Значит, это Тереза?

Элен. Ну, конечно, она. В этой комнате никто не должен спать, Джеймс.

Джеймс. Даже я?

Элен (*со страхом*). Ведь все уже решено, Джеймс. Спальня Терезы будет также и гостиной. Сейчас Мэри там все приводит в порядок. Ты же знаешь, какая это чудная комната. И такая большая.

(Вытаскивает стул за дверь и возвращается.) А эту комнату мы теперь запрем.

Джеймс. Оставь нас, Элен, и займись своими делами.

Элен колеблется, поглядывая на Майкла.

Ничего не случится, если мы здесь немного побудем.

Элен хочет что-то ответить, но вместо этого уходит, захватив с собой стул. Пауза.

Майкл. Три недели назад мы вошли в эту комнату, Роз и я. Любовник и его неопытная возлюбленная. *(Словно оправдываясь.)* Вы не поверите, как она была счастлива в тот день.

Джеймс. Она очень быстро стала взрослой.

Майкл. Роз говорила с вами вчера вечером?

Джеймс. Да.

Майкл. Почему она это сделала?

Джеймс. Она боялась мучений. Ваших, своих, вашей жены.

Майкл. Жена только что звонила мне сюда. Бог ведает, откуда она уже все узнала. Она вся была преисполнена сочувствием.

Джеймс. Что вы будете делать?

Майкл. Продолжать жить с ней. Если это можно назвать жизнью. Забавная штука! Меня считают психологом, а я загубил две человеческие души.

Джеймс. Психология может научить разбираться в душах людей. А любить — она не научит.

Майкл. Но я же любил ее!

Джеймс. Знаю. И мне казалось, что я тоже люблю ее. Но никто из нас не любит полной мерой. Быть может, святые? Нет, вряд ли и они... Деннис,

я должен с кем-нибудь поделиться. Вы это сможете понять. Понимать людей — ваша профессия.

Майкл (с горечью). Моя профессия...

Джеймс. Более двадцати лет я был никому не нужен как священник. А у меня было к этому призвание, истинное призвание. Может быть, вы это истолковали бы как-нибудь по-своему, но сейчас это не важно. Нет-нет, я не смеюсь над вами. Для меня это действительно было призванием. И в течение двадцати лет оно было в плена у этого кресла. У вас ведь тоже есть призвание — в своем роде, так вот, представьте себе, что вы лишились зрения или дара речи... А как я хотел приходить людям на помощь! И вот вчера вечером мне представился случай, господь даровал мне его. Он привел сюда, к моим коленям дитя. Она умоляла помочь ей, даровать ей надежду. Она спросила меня: «Вы не можете дать мне никакой надежды?» И я сказал господу: «Вложи слова в уста мои!» Но ведь он предоставил мне двадцать лет полного бездействия в этом кресле, чтобы я мог подготовиться к такой минуте. Для чего же ему было вмешиваться? И все, что я ей ответил, было: «Молись». Да если бы я когда-нибудь знал, что такое молитва, мне стоило бы лишь коснуться ее, чтобы даровать ей мир. Она повторила: «Молись!..» Она почти выхаркнула это слово.

Майкл. Подумать только, я ушел, чтобы позаботиться о жене. Я боялся за нее... Что же теперь делать? Неужели ничего не изменится?

Джеймс. Троє стариков лишились гостиной. Психолог остается с больной женой. А она исчезла... как камень, канувший в пруд.

Майкл. И вы можете верить в бога, который допустил это?

Джеймс. Да.

Майкл. Это бессмысленная, тупая вера.

Джеймс. Порой так кажется...

Майкл. И вдобавок — жестокая.

Джеймс. Я забыл почти все, чему учили в семинарии, даже доказательства существования бога. Но кое-что — запомнил. Это из какой-то священной книги. «Чем в большем потрясении, неуверенности, отчаянии пребывают наши чувства, тем с большим убеждением вера говорит: «Се бог, все будет хорошо».

Майкл. Все будет хорошо!.. И вы действительно чувствуете это?

Джеймс. Нет, я этого не чувствую. Я это просто знаю. Чувствую я только потрясение, неуверенность, отчаяние. Что поделаешь, если я так слаб.

Майкл. Я не могу верить в бога, у которого нет сострадания к слабым!

Джеймс (*умоляюще*). Прошу вас, оставьте его на сегодня в покое. Не говорите о нем с такой ненавистью, даже если не веруете в него. Если он существует, он тоже любил ее и видел, как она глотала эту бессмысленную отраву. Никто из нас не знает пределов любви и сострадания, которые он ныне расточает на нее.

Майкл (*с болью*). Немного поздно.

Джеймс (*пытаясь убедить его*). Если бы вы могли понять, что сейчас в вас говорит только боль! Что ж, это в порядке вещей, пусть говорит. Нужно дать ей излиться. Тут неподалеку живет человек,

умирающий от рака. И в нем тоже говорит боль — его боль. Всем нам больно, все мы страдаем. Отчего же вы хотите быть единственным исключением в этом мире, полном муки?

Майкл. И вы, вы верите в бога, создавшего подобный мир?

Джеймс. Да. И я верю, что он разделяет наши муки. Но он создал не только мир, он создал вечность. Для нас с вами боль — это целая проблема, но для женщины, которая родила ребенка, боли уже не существует. Мы должны пройти через муки, через страдания. Меня гложет боль так же, как и вас. А Роз — ей теперь легко, для нее боли уже не существует.

Майкл. Вы говорите так, словно она жива. (*Внезапно обрушившись на Джеймса.*) Ах да, ведь ваша церковь учит, что Роз живет в ином мире. И что она проклята. Проклята из-за снотворного моей жены!

Джеймс. Не считайте нас глупцами. Никто не станет утверждать, что мы знаем, о чем она думала в последние минуты. С ней был тогда только бог.

Майкл. Вы ведь сами сказали, с каким отвращением она швырнула слово «молиться».

Джеймс. Было ли это ее последним словом? Если и так, уж вы-то должны знать, как трудно порой бывает отличить любовь от ненависти.

Майкл. Она вовсе не была сложной натурой. У нее не было никаких неврозов, никаких противоречий, присущих людям средних лет. Она была молода, была вся как на ладони. И ей не было никакого дела до вашей церкви.

Джеймс. Неужели вы думаете, что будь она «вся как на ладони», вы бы смогли любить ее? Вы — с вашим призванием, с вашими склонностями? В ней была трепетность, и именно это вы и любили в ней. Не качайте головой. Она жила большими чувствами, в ней была способность к отчаянию, а это дано не всякому. Вот за это мы оба и любили ее.

Майкл (*с горечью*). «Камень, канувший в пруд»...

Открывается дверь, и входит Тереза. Старая леди шатается под грузом постельных принадлежностей, которые она кладет на диван.

Джеймс. Что это, Тереза?

Тереза. Сделайте из моей комнаты гостиную. Я буду спать здесь.

За сценой слышен голос Элен: «Тереза! Где ты, Тереза?» Появляется Элен. Она слишком взволнована, чтобы обратить внимание на Майкла.

Элен. Тереза, ты опять захворала? Что ты делаешь? Чья это постель? Ведь все уложено.

Тереза. Я буду спать здесь. (*Начинает стелить постель.*)

Элен. Здесь? Джеймс, скажи ей... Она не понимает, что делает! Здесь ей нельзя спать. Я ей не позволю здесь спать! Мы же договорились... Джеймс, ну скажи ей что-нибудь!

Тереза невозмутимо продолжает стелить. Джеймс наблюдает за сестрами. Майкл отвернулся от окна, чтобы тоже взглянуть на них.

(*В паническом ужасе.*) Тереза! Дорогая Тереза! Не надо! Она ведь умерла здесь. В этой комнате, Тे-

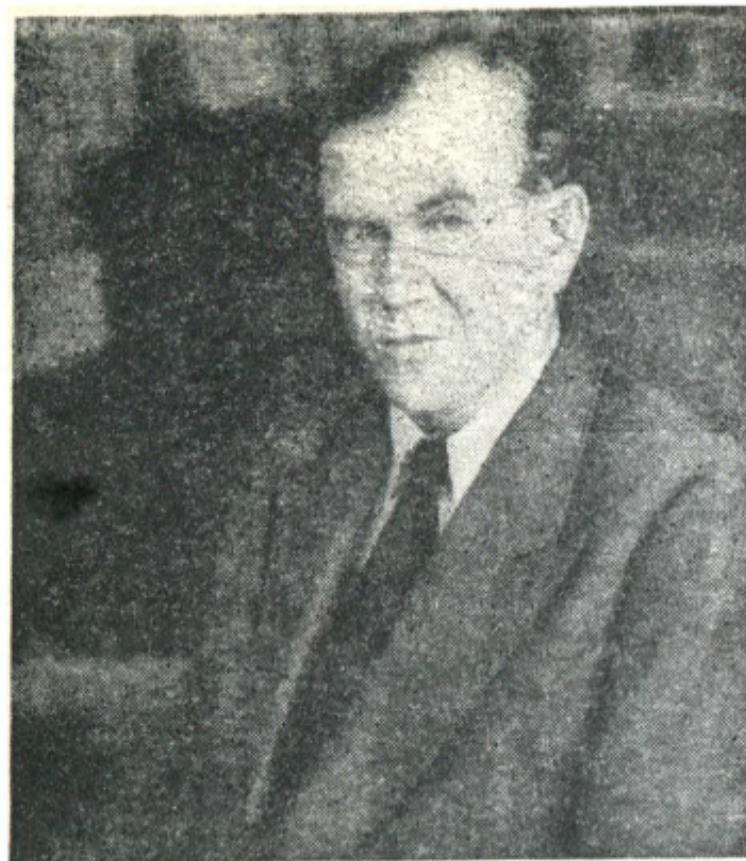
реза. (*Став на колени перед диваном, пытается сбросить постельное белье на пол.*)

Джеймс. Прекрати, Элен! Хватит с нас этого безумия, этой жестокости! Ты слишком долго жила в страхе. Хватит! Надо и отдохнуть.

Элен внезапно, словно подкошенная, падает на постель, рыдая как ребенок. Теперь Тереза — сильнее ее. Она садится рядом, гладит Элен по голове и говорит тоном старшей сестры, как бывало в далеком детстве.

Тереза. Слезы, слезы, слезы... они годятся только поливать капусту. Все это вздор, моя дорогая. Почему я не могу спать здесь? Почему я должна бояться мысли о нашей девочке? И для меня не будет лучшей комнаты, чтобы уснуть навек, чем та, в которой умерла Роз.

Тереза все еще утешает Элен, когда занавес падает.

Имя Грэхема Грина, одного из крупнейших представителей современной английской литературы, стало известно у нас сравнительно недавно, после выхода в свет его романа «Тихий американец», и за короткий срок приобрело широкую популярность среди читателей.

Грэхем Грин родился в 1904 году, в Беркхэмстеде. Отец его был директором местной школы, в которой будущий писатель получил начальное образование. Литературным трудом Грин стал заниматься рано — первый его рассказ был опубликован в 1919 году в газете «Стар», а в 1925 году, когда он учился в Оксфордском университете, вышла в свет его первая книга — сборник стихов «Журчащий апрель».

После окончания университета Г. Грин работает в газетах — сначала помощником редактора «Ноттингэм Джорнэл», а с 1926 по 1930 год — в редакции лондонского «Таймса».

Г. Грин много путешествует — путевые впечатления дали писателю материал для ряда книг, в том числе для одного из его больших романов, — «Власть и слава», который был отмечен литературной премией как лучший английский роман 1940 года. В 1956 году этот роман был инсценирован и поставлен известной москвичам труппой Питера Брука с артистом Полом Скофилдом в центральной роли.

В 1940—1941 годах Грин работает литературным редактором журнала «Спектейтор», с 1941 по 1944 год служит в Министерстве иностранных дел и совершает в это время поездку в Западную Африку.

Книги Г. Грина, написанные в 30-х годах («Брайтонская скала», «Поле битвы» и др.), принесли писателю широкое признание на родине и за ее пределами. Однако при всех своих литературных достоинствах они значительно уступают произведениям, написанным им в послевоенные годы, и в первую очередь романам «Суть дела» и «Тихий американец», где писатель ставит, хотя и не во всем правильно решая, важнейшие вопросы политического, общественного и морального порядка.

«Комната для живых» была написана в 1952 году. В начале 1953 года она была с большим успехом поставлена режиссером Питером Гленвиллом.

В глубоком сочувствии к судьбе простых людей, в ненависти к мертвотой, застывшей догме, которая способна искалечить, убить человека, проявилась большая честность писателя, его стремление всегда и во всем следовать правде жизни.

В «Комната для живых» отразились лучшие стороны писательского дарования Грина: глубина психологического анализа, мастерство изображения живых человеческих характеров, великолепное искусство композиции.

В 1957 году Г. Грин написал пьесу «Оранжерея», постановку которой осуществил Нью-Йоркский театр «Бижу».

Ер. 70 к.

ИСКУССТВО